

Под небом Атланты

Альвера Албул

1973

Альвера Албул

Под небом Атланты

«Автор»

2026

Албул А.

Под небом Атланты / А. Албул — «Автор», 2026

В доме-музее на окраине города Бри годами прячется от мира — и от самой себя. Появление Энцо даёт ей шанс вырваться, но вместо свободы она получает новую загадку: почему его присутствие рядом раздражает её сильнее, чем любые запреты дома? Командировка, внезапная трагедия и возвращение туда, где всё началось, — и теперь Бри придётся разобраться не только с тайнами семьи, но и с тем, что творится в её сердце.

© Албул А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. В доме на окраине Атланты	5
Глава 1. Тени невысказанных имён	5
Глава 2. В паузе между вдохами	14
Глава 3. Среди тиканья часов	23
Глава 4. Дорога из страха и надежды	33
Глава 5. Тихий голос в вспышках света	44
Глава 6. Солнечный свет мечтаний	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Альвера Албул

Под небом Атланты

Часть 1. В доме на окраине Атланты

Глава 1. Тени невысказанных имён

Не осталось ничего. Ни величия, ни роскоши, ни возвышенных чувств. Не осталось даже Родины — она была где-то далеко и уже не имела к ней никакого отношения. Она даже не знала, как выглядят места, откуда берут начало её корни.

Её отец с трепетом хранил лишь осколки той жизни: пустой футляр из-под французской помады, пару фотографий и печатную машинку, которая, словно выставочный экспонат, стояла за стеклом, не имея права соприкоснуться с жизнью в доме. Это было категорически запрещено.

Фотографии были разных эпох. На каких-то были люди конца девятнадцатого столетия, а на других — тридцатых годов двадцатого, но, кажется, словно это было вечно назад, ведь женщин на них давно уже не было в живых. Как и печатная машинка, они были под стеклом, но только в красивых рамках и стояли в гостиной: на комодике и на полке декоративного камина, возле которого стояло потёртое розовое кресло.

В другой комнате зазвенел телефон, но трубку взяла работница их дома. Она помогала по хозяйству и была правой рукой хозяина — Дамиона Россера. Послышался тихий, мягкий голос:

«Слушаю. Конечно, да, я ему передам! Дома только мисс Британи Россер. Да, конечно, до свидания!»

Бри была его самым младшим ребёнком — четвёртым. Ей было двадцать три. Она всё ещё жила с родителями и могла не думать о завтрашнем дне.

Несмотря на свой возраст, Бри не старалась казаться взрослее, чем была на самом деле: не курила, не употребляла алкоголь, не посещала различные вечеринки, а была тихой домашней девочкой. Ко всему прочему, она жила, игнорируя современную моду середины девяностых, и не спешила обзаводиться различными техническими новинками.

В кухне тихо играло радио.

Дом её родителей казался ей оторванным от шумного мира извне. Здесь жил покой, история. Жизнь казалась размеренной, словно тиканье часов. Радио и книги были единственным разрешённым развлечением — в этих стенах никогда не было телевизора.

Через приоткрытое окно слышались голоса: ровный и спокойный — её отца и шелестящий, прерывистый от воодушевления — матери.

Дамиону Россеру было уже шестьдесят три, а её матери — ирландке по происхождению (Эния Бронак О'Кларк) — недавно исполнилось пятьдесят девять.

Желая их встретить, Бри отложила книгу, встала со стула, поправив джинсы и свою тонкую голубую водолазку с аргайлом (популярным в это время рисунком в виде ромбов), и вышла в коридор, а оттуда — в прихожую.

За ней вышла и работница дома. Белокожая, но с чёрными глазами — чувствовалось в ней что-то юго-восточное или же западноазиатское. Но никто в семье не придавал значения её национальности.

— Бри, — обратилась к ней мама, — здравствуй.

Несмотря на непосредственное отношение к семейству Россер, Бри внешне слабо на них походила. У её отца, несмотря на седину, по-прежнему были тёмные глаза. В молодости у него были глубокого чёрного цвета волосы. Но его самая младшая дочь была практически полной копией матери, за исключением скул, которые она взяла у отца.

Тёмно-рыжие волосы, которые в помещении казались медно-каштановыми, и светящиеся золотисто-серые глаза, которые иногда казались серо-зелёными. Если бы её увидел кто-то из предков семейства Россер, он не признал бы в ней потомка.

— С возвращением, — ответила ей дочь, и вместе с работницей дома они поспешили помочь родителям пройти в дом.

Мистер Дамион Россер не любил вспоминать прошлое. Великобритания была его домом, но оставила много шрамов в памяти.

«Моя мать была великой женщиной! Как и все те, кто был в нашей семье до неё. Но и она оказалась беспомощна перед ужасом человеческой жестокости!» — это всё, что знала Британи о своей бабушке, так как её отец всегда менялся в лице, стоило поднять эту тему.

«Мой отец не был слабым мужчиной, но матери не пришлось бы так тяжело, будь он рядом в нужный момент. Он сгубил одну женщину и чуть не сделал это со второй. Одно он точно сделал правильно — дважды ушёл сражаться. Но, к сожалению, только один раз вернулся!» — это иногда вспоминал Дамион про своего отца, Уэйна Россера, но тоже говорил коротко и без подробностей.

Казалось бы — расскажи, но, имея практически семейный музей, мистер Россер практически ничего не рассказывал про своих предков.

«Моя тётушка Эйра!» — мистер Россер однажды позволил себе поделиться своими воспоминаниями с детьми, когда Бри было около десяти лет, и даже показал им фотографию. — «Она сделала всё для того, чтобы годы жизни в Сноудонии не казались мне долгим страшным сном без новостей о родителях и Лондоне. Она же и вернула меня обратно, дала мне хорошее образование и отпустила, когда я захотел уехать!»

— Так и непонятно, почему ты уехал в США? — спросила самая младшая, Бри, сидя на ковре в ногах отца. Это был один из вечеров, когда Британи была ещё совсем ребёнком.

— США — разве плохая страна? — возмущённо спросил её черноволосый брат Байл, который был старше на семь лет, и толкнул её локтем в рёбра, но тут же получил подзатыльник от самого старшего ребёнка в семье — Уэйна.

Ему было уже двадцать пять лет, когда Бри встретила свой первый круглый юбилей. Он уже не жил с родителями, перебрался в соседний город и устроился работать по профессии — преподавателем в частную школу для мальчиков. Поэтому считал, что имеет право дать подзатыльник младшему брату, который смеет задирать сестру.

— Я уехал, потому что хотел, потому что там, как мне казалось, меня ничего не держит, кроме горькой памяти о разрушенной жизни. К тому же через тётушку получилось узнать, что в США обосновались наши дальние родственники.

Слушая это, Бри не понимала, о чём говорит отец, и не старалась делать вид, словно его слова для неё что-то значили. Но второй ребёнок в семье и старшая дочь, Гвен, казалось, прониклась тем, что озвучил отец.

Двадцатилетняя, сидящая в кресле, она коротким движением вытерла набежавшие слёзы.

Бри бросила на неё немного брезгливый взгляд и подумала: «Ну точно плачет из-за того парня, который уехал учиться! А она тут!»

Прошло немало лет, но Британи Брианна Россер так до сих пор и не поняла, о чём говорил её отец. Она с большим любопытством разглядывала вещи, которые с таким трепетом хранил её отец, но из-за отсутствия понимания их ценности не разделяла его странных взглядов.

К тому же позже она узнала истинную причину слёз сестры: когда тот парень уехал, ей не позволили поехать с ним.

Бедная Гвен ещё год не могла замечать красочность и искренность этого мира, а потом, когда уже повзрослела, всё же вышла замуж и уехала на север.

«Чёртов янки!» — это был единственный комментарий о браке старшей дочери, который допустил себе мистер Россер. А после Гвен ни разу не появилась в доме родителей.

Байл, который с детства был крайне патриотичен, ушёл в армию, служил на разных рубежах и три года назад был послан участвовать в кампании в Персидском заливе и погиб «в стакане». В семье обсуждать это было неприято: все старались жить так, словно ничего не случилось, а сам Байл просто опять где-то далеко по служебной необходимости. При этом никто не ждал ни звонка, ни письма, ведь он где-то настолько далеко, что связаться возможности нет.

Так рядом с родителями остались только Бри и Уэйн.

Британи, получив образование журналиста, оставалась в доме родителей из-за тревог и лёгкой собственной инфантильности. А Уэйн постоянно приезжал, как у него появлялась возможность, со своей женой и детьми, а порой и один. В отличие от сестры, которая связала свою жизнь с человеком, которого не одобрила семья, он женился на потомке шотландских эмигрантов — на Гэвине Гамильтон. И Дамион Россер очень высоко оценил такую партию, словно чистота кельтской крови и знатность происхождения ещё что-то значила.

Наблюдая за родителями, их взглядами и ценностями, Бри словно заглядывала в особенное окно, позволяющее телепортироваться в прошлое. Она и её родители были людьми настолько разных поколений, что точек соприкосновения у них совершенно не было.

Пройдя в дом, миссис Россер сняла с себя шляпу и повесила на крючок в прихожей, после чего обратилась к домочадцам. В ней чувствовалась лёгкая усталость.

— Который час? Думаю, нам стоило бы пообедать.

— Почти два часа дня, мама, — ответила Бри и бросила на работницу взгляд. — Мы можем накрыть в столовой.

— Не ты, для этого у нас есть нанятый человек, — женщина бросила короткий взгляд на работницу.

Бри поджала губы и виновато опустила голову, так как не хотела быть причиной возможного конфликта. Работница же, понимая, что ей только что было отдано распоряжение, поспешила в кухню, а Британи немного боязливо приподняла взгляд и осмотрела материнские руки.

Её пальцы были расслаблены, легки, и Бри поняла, что та не злится. Но говорить что-то она не осмеливалась.

— Пойдём со мной, я тебе расскажу все те новости, которые узнала сегодня, — легко и быстро, словно птичья свирель, заговорила миссис Россер и направилась в гостиную, где ещё недавно за чтением сидела Бри.

Британи не любила сплетни. К ним она была абсолютно холодна, и ей не нравилось, когда кто-то хотел с ней ими поделиться. Но когда это твоя собственная мать, приходилось терпеть: садиться рядом с ней на диван, брать на колени что-то из рукоделия (например, вязание из бисера) или же этюдник с карандашами и невольно растворяться в мамином рассказе. Но сейчас под рукой не было ничего, кроме книги, и Бри села на диван без какого-либо способа спасения от натиска матери.

— Ты слышала про нашего соседа, который решил купить рыбацкую лодку? Сегодня мне об этом сказала Стефания, и мы обе задаёмся вопросом: неужели он в действительности хочет заняться рыбалкой?

Бри даже не понимала, кто такая Стефания, но решила попробовать поддержать разговор:

— Наверное, это интересно!

Но мать не оценила её попытку:

— Рыбалка? Дорогая! Нет. Конечно же, нет. Ни один уважающий себя мужчина не хочет пахнуть рыбой!

В этот момент послышался шорох ковра, и в гостиную вошёл мистер Россер. Он прошёл мимо дивана, осмотрел фотографии на каминной полке, а потом всё же обратился к жене:

— А кто эта Стефания такая? Прежде не слышал этого имени.

— Ну как же так? — миссис Россер не поверила своим ушам. — Она живёт напротив нас, через дорогу.

— Разве там не живёт уважаемая миссис Кларк? — мистер Россер задумался, проверяя свои знания о жителях района.

— Нет, — женщина качнула головой. — Добродушная старушка миссис Кларк покинула сей бренный мир ещё десять лет назад.

— Правда? — мистер Россер с сомнением глянул на жену. — Должно быть, я как-то пропустил эти десять лет...

И он бросил взгляд на Бри, после чего продолжил:

— И ты уже закончила школу, верно, Брианна? — он улыбнулся ей. — Да, точно. Ты уже давно не школьница.

— Её зовут Британи, — поправила мужа миссис Россер.

— Но ведь Брианна — это моё второе имя, — с улыбкой защитила отца девушка.

— Как хотите, — женщина отмахнулась.

Не желая быть причиной конфликта и понимая, что у неё есть возможность избежать обсуждения слухов, Бри встала с дивана и прошла к рабочему столу, где лежала книга, которую она до этого читала.

Потёртый корешок, склеенный пару раз некачественным клеем, пожелтевшие листы, словно книге было не меньше ста лет, но она была частью тиража от 1922 года. Бри села на стул и взяла её в руки.

— Брианна! — её отец вдруг рывком обернулся и посмотрел на руки дочери, и та поняла, что невольно прикоснулась к той истории, которую так охранял её отец.

— Да, папа? — невольно заговорила она тихим и ослабшим голосом, уже готовая к тому, что отец обрушится на неё с тирадой о важности сохранности вещей прошлого, но он лишь продолжал смотреть на её руки.

— Дамион, что-то не так? — миссис Россер поднялась с дивана и посмотрела на мужа, пытаясь понять, что происходит.

— Будь аккуратна с этой книгой, — проговорил наконец мужчина, обращаясь к дочери, после чего направился из гостиной, словно нахождение здесь по-настоящему тревожило его.

Не понимая, что могло произвести на него такое впечатление, она опустила взгляд в книгу. Главного персонажа звали Глэдис Россер, и только сейчас Бри задумалась о том, не та ли это Глэдис, чья фотография стоит на полке камина — её прабабушка.

Понимая, что всё в доме — настоящие музейные экспонаты, Бри положила книгу обратно на стол.

— Думаю, в следующий раз ты спросишь разрешения, прежде чем будешь делать что-то, что может вызвать инфаркт у твоего отца! — строго произнесла миссис Россер и покачала головой, после чего тоже вышла из гостиной.

Как сложно быть частью этого мира. Оставалось, чтобы родители не старели, и ей бы казалось, что она живёт с двумя восковыми фигурами, которые демонстрируют посетителям моду, тип мышления и убеждения прошлых лет. Всё вокруг — часть далёкого и чужого мира, а ей в этом мире нужно было быть настолько аккуратной, словно она вдруг превратилась в слона и очутилась в посудной лавке.

Желание читать дальше исчезло. Она аккуратно закрыла книгу и вернула её на место, к таким же другим потёртым корешкам.

Большая часть обеда прошла в тишине. Мистер Россер был погружён в собственные мысли, его жена была бы рада рассказать ещё что-нибудь, но предпочитала не разговаривать с полным ртом. При этом по её лицу было видно изобилие её мыслей. Когда подали десерт, она всё же решила вновь заговорить и делала это с настоящей радостью:

— Я недавно слышала, но забыла вам рассказать! Наш сосед — юный писатель, пианист и потрясающий мужчина, который прошлым летом регулярно у нас бывал на ужинах, женится! Ты представляешь, Бри! Я думала, он с ума сойдёт по тебе и не сможет найти себе подходящую женщину, но он справился с твоим безразличием...

Бри была готова рассмеяться. Иногда было смешно слушать заблуждения собственной матери, ведь та, пусть и стремилась знать всё, что происходит в их районе города, на самом деле нередко собирала пустые и бессмысленные слухи.

— Я за него рада! — ответила Британи и принялась есть желе.

Их сосед жил от них в нескольких домах и был старше Бри на пятнадцать лет. Уже это отталкивало девушку, и слова о том, что он «молодой писатель», были способны повеселить. Писал он только стихи. Но назвать его поэтом можно было с большой натяжкой, так как и смыслы его, и ритмы не вызвали у Бри ничего, кроме отвращения. Каждый раз, когда он приходил, Бри с мамой садились в гостиной слушать его чтения. Первая молчала и терпеливо ждала, когда эта мука закончится. Вторая аплодировала и восхищалась. Мистер Россер обычно в такие моменты не присутствовал.

И сейчас, узнав, что сосед женится, Британи лишь сделала вывод: «Он нашёл женщину, готовую бесконечно восхищаться его стихами!»

— Дамион, а чего ты молчишь? Думаю, если бы не упёртость нашей дочери, они бы сыграли хорошую партию! — обратилась женщина к мужу, но тот был с ней совершенно не согласен:

— Никогда в жизни.

— Почему же так? — не поверила она своим ушам. — Человек искусства, не обделённый талантом, получивший образование в Оксфорде по программе «Английская литература»! Я на самом деле приятно удивлена тем, как нам повезло с соседями.

«Что за любовь — придумывать проблему на ровном месте? Неужели она серьёзно рассматривала его в мои мужья? Это смешно!» — думала Брианна, глядя на свою мать.

Мистер Россер проговорил в ответ:

— Да, с соседями нам действительно повезло. Вокруг только уважаемые люди, но не настолько, чтобы я хотел видеть их в зятях.

— Так можно до посинения ждать, когда появится тот, кого ты пожелаешь, — женщина фыркнула.

— Думаю, Брианна в этом вопросе сама разберётся, — мистер Россер покачал головой, и его жена невольно подняла взгляд к потолку и практически прошипела:

— Британи.

— Каждый из вас может называть меня как ему удобнее, — поспешила с улыбкой вмешаться в разговор Бри.

После того как обед был окончен, все разошлись по комнатам.

Бри не спешила. Она вышла в коридор и медленно прошла к лестнице. Сев на самую нижнюю ступеньку, она через балясины глянула на отца. Тот ушёл в гостиную, надел очки, достал какие-то книги, клей и начал свой неспешный, спокойный ремонт. Её мать, уйдя мимо неё вверх по ступеням, прошла в спальню, и Бри осталась одна.

На дом опустилась тишина. Даже в кухне не шумела вода — работница уже помыла посуду и хотела пойти помогать мистеру Россеру.

Беззвучно лёгкий ветерок проникал через приоткрытое окно и покачивал кружевную занавеску в прихожей, размеренно тикали часы в гостиной, радио в кухне молчало. И в этой

глубокой тишине Бри чувствовала себя так, словно она не в городской черте, а где-то в загородном доме, в далёкой деревне, где свой особый ход времени.

Она сидела так недолго, а потом всё же решила подняться к себе в комнату.

Любой подросток скажет, что его комната — неприкосновенность. Родители туда не допускаются, вещи хранятся так, как удобно жильцу комнаты, и там всегда особенное, отличное от всего дома настроение. Но не в случае с Бри.

Когда ей было четырнадцать, она, как и множество других детей, хотела сменить (как ей казалось) дурацкие белые кружевные занавески на тяжёлые шторы, которыми можно было устраивать ночь в комнате даже в самый яркий солнечный день. Она хотела разрисовать стены, повесить плакаты и постоянно слушать музыку, если бы родители всё же согласились купить ей магнитофон. Но все её подростковые желания были срублены на корню.

Стены остались такими же: светлые обои в мелкий розовый цветочек. На окне — всё та же занавеска. Старая мебель, состояние которой важно поддерживать. Каждый раз, заходя к себе, Бри думала, что оказывается в комнате какой-то старухи, а не в личном подростковом пространстве.

Теперь же эта комната ощущалась иначе. Здесь хотя бы не было тех реликвий, которые хранил её отец. Здесь она могла взять каждую книгу, сесть на любую поверхность (даже на стол и закинуть ногу на ногу) или улечься на пол.

«Что за азиатские причуды?» — именно так реагировала её мама, стоило Бри сесть на ковёр или же лечь на него, после чего моментально требовала, чтобы дочь поднялась.

Мистер Россер был в этом проще. Нередко, когда он читал ей в детстве сказки, она сидела на полу у его ног, и никто из них двоих не считал это недопустимым.

Закрыв за собой дверь, Бри поняла, что и здесь невыносимая тишина. Она поспешила открыть окно и выглянуть в него.

Лицо ей обдал тёплый весенний ветер, а солнце словно поспешило поцеловать ей кончик носа, вызвав лёгкое покраснение, поэтому Бри решила спрятаться обратно в доме, но окно оставила открытым.

Воздух в комнате быстро нагрелся — комната Бри была с солнечной стороны, а ветер, спешащий в раскрытое окно, нёс с собой тяжесть влажного южного воздуха. Не желая терпеть духоту, Бри прошла к платяному шкафу и одним движением открыла его.

Джинсы, что были на ней, были нежелательной частью гардероба. Её мать не ругала её за них, но при возможности обязательно указывала на то, что женщине предпочтительнее классические наряды: тканевые брюки, юбки, платья. В жару Бри была с матерью полностью согласна.

Теперь она переделалась. Лёгкая белая юбка и рубашка свободного кроя — всё для того, чтобы липкая жара не сводила её с ума.

И она села на угол своего стола, достала тонкую книгу со стихами и, откинув ногу ближе к окну, чтобы на тонкую лодыжку упал солнечный свет, стала негромко, но с чувством читать стихи.

Казалось, она могла просидеть так целую вечность. Особенность Бри была в том, что она обожала поэзию: хорошую, качественную, трогающую душу поэзию. Поэтому могла брать тонкую книжечку начинающих авторов в студенческой библиотеке и утопать в её прочтении.

Солнце плавно скользило по небосводу, предметы отбрасывали тени. А воздух начал медленно терять приятное дневное тепло.

Откуда-то с улицы послышались голоса: женщина звала своих сыновей обратно в дом. Зашумели машины. Люди возвращались домой с работы. И в доме Россер на первом этаже зазвенели посудой, послышался встревоженный голос работницы, и Бри поняла, что на ужин к ним кто-то придёт.

«Наверное, наш сосед хочет мне лично рассказать, какую удачу я упустила! Как же я переживу, что он женится на другой?» — Бри усмехнулась и захлопнула книжку, после чего потянулась через стол и выглянула в окно — её не пугала высота.

Ещё было рано для сумерек. Солнце только намекало на предстоящий поздний майский закат, но в воздухе чувствовалось, что все спешат вернуться домой, к семье, на долгожданную трапезу в конце дня с бренди и вином.

— Брианна! — послышался голос её отца, но девушка продолжала смотреть в окно.

— Британи...

Это был уже голос матери. И Бри, поспешно убрав книгу, вернулась в комнату и спрыгнула со стола.

Дверь в её комнату раскрылась в тот же момент, как Британи уловила равновесие и поправила загнутый подол юбки.

— Через полчаса мы ждём тебя к ужину, — ничего не заметив, заговорила миссис Россер. Её муж стоял у неё за плечом.

Бри согласно кивнула и спросила:

— Внизу такая суета. Мы кого-то ждём?

— Конечно, да! Пусть ты так не любишь упоминать его имя... Конечно, ведь ты разбила бедолаге сердце! Но к нам придёт наш замечательный сосед, поэт Клементин Клиренс.

«С этого момента всё же придётся упоминать его имя!» — подумала Бри. — «Как бы мне ни хотелось!»

Теперь всё встало на свои места. Совершенно понятно, почему её мама за обедом вдруг вспомнила его: ужин был обговорён заранее. Жестоко спланирован за её спиной.

«Неужели она на что-то надеется...» — Бри продолжала улыбаться, не желая высказывать своих истинных чувств.

— Хорошо, — заговорила она. — Через полчаса буду!

Дверь вновь закрылась, и Бри осталась одна.

Переодеваться специально к обеду она не хотела. Лишь расчесала волосы и скрепила их заколкой на затылке. Этого было вполне достаточно, чтобы выглядеть достойно в присутствии пришедшего гостя.

Клементин появился в доме раньше назначенного времени. Полчаса ещё не прошло, а Бри услышала, как хлопнула входная дверь.

Доносился запах жареной тилапии. Значит, сегодня на ужин рыба, а Бри просто ненавидела рыбу.

От запаха её замутило, но выбора не было, и она вышла из комнаты и направилась вниз.

В коридоре первого этажа царил праздник. Всё потому, что Клементин пришёл не один. Рядом с ним стояла высокая и очень худая девушка, выглядевшая так, словно её так и не откормили со времён Великой депрессии.

Впавшие щёки, бездумный взгляд, но искренняя счастливая улыбка. С восторгом она слушала поздравления миссис Россер, которая желала яркой и незабываемой свадьбы, на которую обязательно пригласят семейство Россер. И это не было намёком. С улыбкой и просто-душным видом она говорила так, что отказать ей было просто некультурно.

— Ох, вот и моя Британи, — миссис Россер обернулась через плечо. — А это невеста мистера Клиренса — Августина Баэрс.

— Приятно познакомиться, — Бри подошла ближе и улыбнулась новой знакомой.

— Взаимно! — та кивнула. — И надеюсь, вы действительно окажетесь на нашей свадьбе. Не думаю, что она будет способна вас чем-то удивить, но я была бы рада видеть там знакомых. Понимаете, я здесь совершенно недавно. Я переехала сюда буквально несколько месяцев назад, даже года нет.

— О, дорогуша, конечно! — воскликнула миссис Россер, словно её оскорбили. — Не явиться было бы просто оскорбительно с нашей стороны. А учитывая, что вы здесь совсем недавно, я считаю, что вам необходимо обзавестись как можно большим количеством знакомств, и мы все придём поздравить вас в этот торжественный день!

— Спасибо, миссис Россер, — голос подал и мистер Клиренс.

Сложно сказать, какая внешность могла ассоциироваться у Бри с её чувствами и отношением к Клементину, но он был выше её на целую голову и приятен внешне: раскосые брови, тёмные волосы, зелёные глаза. Миссис Россер смотрела на него глазами, полными любви, но Бри не видела ничего привлекательного.

Говорить что-то Бри уже не хотелось. Она совершенно не понимала Августину, а спросить что-нибудь не имела возможности из-за особой общительности своей матери.

В коридор вышла работница и пригласила всех в столовую. Пусть она когда-то была нанята в помощь мистеру Россеру, она быстро стала и поваром, и горничной, и прачкой.

Удобно, когда в доме есть помощница по хозяйству. Это освобождало время для миссис Россер, чтобы она могла, пока кто-то работает, расположиться с кем-нибудь в гостиной и обсуждать что-нибудь неважное.

Стол был полон, красиво сервирован. Помимо рыбы, на столе были овощи, зелень, комбинированные между собой в разные блюда, тушёный картофель и даже сладости. В вазах лежал мармелад, а в тарелке — дольки апельсинов.

Все сели за стол. Миссис Россер старалась узнать как можно больше об Августине. Она расспрашивала про то, откуда та родом, почему переехала, где живёт, где училась, по какому профилю. И Бри была рада, что ей не приходится участвовать в этом диалоге. Как и отец, она просто слушала.

И в итоге наступил момент, когда вопросы начала задавать гостя. И самый первый вопрос сразу же заставил столовую оглохнуть.

— Сколько у вас детей, миссис Россер? — спросила она.

Бри невольно вздрогнула, но тут же замерла, не решаясь поднять взгляд на мать.

Гвен и Байл были личностями, не обсуждаемыми в семье. Их истории были спрятаны под семью печатями в склепе семейных тайн. И не потому, что обсуждать их было бы унинительно, а потому что больно. Несмотря на неспособность мистера Россера принять жизненный выбор дочери, его жена искренне по ней скучала. А гибель Байла вообще была настоящей трагедией.

Заметив, что спросила что-то не то, Августина смутилась. Её бледное лицо вдруг покраснело, и она невольно стала теребить угол своей салфетки:

— Простите, вы можете не отвечать. Давайте поговорим о чём-нибудь другом! Например, о прекрасных стихах Клементина!

Но тишина продлилась ещё секунду.

Миссис Россер не была в силах заговорить, это сделал её муж:

— Я ни разу не слышал ни одного его чтения! Сегодня я просто обязан на нём присутствовать.

Клементин, довольный, что разговор всё же начался о нём, засиял:

— О, я вас ошеломлю! Мои стихи поразительны. Я даже выслал пару работ на конкурс в этом году. Победителя назовут в сентябре. И матушка, и Августина считают, что я истинный талант.

— Да, — миссис Россер всё же заговорила, — вы пишете по-настоящему трогательные стихи! Как бы я хотела, чтобы кто-то из моих детей тоже был так одарён!

И Бри бросила на мать взгляд, полный разочарования, а в груди у неё обожгло кислотой. Вспомнился тонкий блокнот, который она прятала в верхнем ящике стола, не смея никому признаться, что иногда, в особенное настроение, она сама пробует себя в поэзии.

«Должно быть, она видела, читала. Как унижительно! Неужели я так плоха, или же она в действительности считает, что похвалу заслуживает Клементин, а не я!» — подумала Бри и уже хотела отвести взгляд от матери, но заметила отца, который смотрел прямо на неё.

Ей показалось, словно он всё понял: прочитал по её взгляду, по выражению лица и, устало вздохнув, обратил своё внимание вновь на гостей.

По ощущениям Бри, вечер был невыносимо долгим и мучительным. За столом говорили только трое, так же было и в гостиной. Бри и её отец слушали: Клементин читал свои стихи, а Августина и миссис Россер сыпали ему щедрые и неоправданные комплименты.

Слышались их охи и ахи, и Бри чувствовала себя так, словно оказалась в театре на спектакле. Их восхищение было настолько гипертрофированным, что казалось ей отвратительной актёрской игрой. А сам Клементин совершенно искренне реагировал, воспринимая это никак иначе как истину.

В его строках не было смысла. Это был набор тяжёлых, «умных» слов. Рифмы не было, но это было легко оправдать тем, что она «белая». Но и ритма никакого не было. Словно школьник вдохновился уроком литературы и решил написать свои стихи: звучало смешно, несурезно, но очень пафосно.

Бри иногда бросала взгляд на отца, но тот, опустив голову на кулак, иногда проваливался в дремоту, а затем рывком из неё просыпался, когда миссис Россер вновь начинала петь дифирамбы поэту.

Когда гости собрались уходить, уже наступил поздний вечер. Ближайшие дома уже отошли ко сну, и пора было прощаться.

— Как я рада нашему знакомству! — вздыхала Августина. — Вы такие приятные люди.

И миссис Россер горячо с ней прощалась, словно нашла в новой знакомой настоящего близкого друга.

«Ох уж это светское лицемерие!» — думала Бри, наблюдая за матерью.

Дверь закрылась, гости ушли, а миссис Россер продолжала пребывать в приподнятом настроении. Повторяя сама себе бессмысленные строки из стихотворения Клементина, она прошла обратно в гостиную и прижала руки к груди.

Всё внутри неё пело от восхищения его талантом. Но Бри не хотела более на это смотреть.

Чувствуя усталость, раздражение и разочарование, она направилась к себе наверх.

Полный закат солнца ещё не произошёл, но из окон её комнаты уже не было видно света. Тёмное ночное небо. На город пришёл ветер: он порывами сотрясал деревья и приятно шуршал их листвой. Воздух в комнате был слегка прохладным. Приятное состояние, чтобы отправиться отдыхать, ведь, переступив порог, Бри просто забыла о матери. Блокнот со стихами ушёл на задний план её мыслей.

«Как же прекрасен май!» — подумала она.

Глава 2. В паузе между вдохами

Несмотря на то что Бри уснула легко и быстро, сон её оказался некрепким. Раскрыв глаза, она глянула на всё ещё горящую лампу. Та была блёклой и не обжигала глаз.

Сколько сейчас времени, определить было сложно. Город всё ещё укрывала тёмная ночь.

Постельное бельё было чистым, накрахмаленным, оно хрустело от движений Бри. И, поднявшись с подушки, она поняла, что очень сильно хочет пить. Жажда иссушила её горло.

«Это всё из-за солёных огурцов!» — подумала она и быстрым движением выскользнула из-под одеяла и поднялась на ноги.

В комнате было прохладно. Ещё рано для того, чтобы спать с открытым окном, и Бри поспешила его закрыть. Где-то вдали, в соседнем квартале, заорали кошки.

Вдохнув через нос, чтобы помочь себе не спугнуть сон, попить и вернуться в постель, Бри вышла из комнаты и, медленно ступая, чтобы не скрипеть половицами и не будить домочадцев, направилась вниз по лестнице.

Она была убеждена, что единственная в доме, кто не спит, но замерла, вдруг услышав... Слёзы?

Она не поверила ушам. В гостиной кто-то плакал. Она точно знала, что это не отец. Он хранил особенное чувство к вещам, которые достались ему от предков, но никогда над ними не рыдал. А её мать не стала бы так бездумно в общей комнате изливать свои чувства.

Спустившись так тихо, как только могла, Бри всё же прижалась к стене и незаметно заглянула внутрь комнаты.

Там ничего не было видно. Кромешная тьма, и ни капли света. Даже луна не освещала эту комнату. Поэтому сказать наверняка, кто же решил поделиться с гостиной своими тревогами, было невозможно.

Бри уже приняла как данность, что у неё не получится удовлетворить своё любопытство, как вдруг послышался голос:

— За что ж мне всё это...

Удивительно это было и для самой Бри, но, услышав голос матери, она совершенно ничего не почувствовала. Ни капли жалости. Испытывая только отвращение к её моменту слабости, она, уже не пытаясь быть незаметной, развернулась и пошла на кухню.

За спиной она слышала шорохи, но очень надеялась, что мать не пойдёт за ней.

«Не сейчас! Я не готова!» — взмолилась она мысленно, а потом всё же рывком обернулась. Но никого позади себя не увидела.

Она ощутила облегчение.

В доме повисла безмятежная, спокойная ночная тишина. Только старый холодильник кряхтел и потряхивался, пытаясь выполнять свою работу. Где-то в коридоре жаждал одинокий комар.

Понимая, что её мать, скорее всего, ушла к себе, Бри отбросила мысли о ней и достала с полки высокий стеклянный стакан.

Вода стояла в графине на столе. И Британи пришлось выпить целых два, чтобы начать чувствовать себя лучше.

Мятая пижама напомнила ей, что она проснулась посреди ночи, но спать дальше не хотелось.

Сполоснув стакан, она убрала его на место и вышла в столовую, откуда стеклянная дверь вела во внутренний двор. Босиком, игнорируя холодные бетонные ступеньки, Бри вышла на улицу и села в одно из пластиковых кресел, которые её родители использовали для посиделок во время барбекю.

Ветер был холодным. Звёзд не было видно — их затянули пришедшие облака. Океанический фронт. И Бри понимала, что, скорее всего, утром или днём пойдёт дождь. Пахло холодной влагой, но не плесенью: это был особый запах подступающей непогоды. Шумно шелестела листва деревьев.

Несмотря на это, обратно в дом не хотелось. Сон ушёл, и Бри чувствовала себя бодро, словно проспала все положенные восемь часов. В доме делать было нечего, а шуметь — значит разбудить домочадцев. Поэтому самым оптимальным вариантом она посчитала остаться в кресле на улице.

Быстро замёрзли пальцы ног, и она подтянула их под себя, чтобы согреть. Но осталась на месте и осматривала квадратный двор, молодые, но уже крепкие клёны, которые были высажены здесь, когда она ещё была маленькой, покатистую зелёную крышу, выложенную черепицей, их соседей. Взгляд не стоял на месте, но она совершенно не задумывалась о том, что видит.

Она невольно ушла в воспоминания о детстве. Ей было около пяти лет. Тогда отец ставил во дворе резиновый бассейн и набирал в него воду. Гвен, будучи старше Бри на десять лет, в бассейн не лезла. Расположившись на шезлонге, она очень надеялась получить приятный южный загар, а по итогу плакала, не имея возможности двигаться безболезненно. Её тонкая белая веснушчатая кожа категорически отказывалась приобретать медный оттенок, а становилась красной и отёкшей. Мама часто говорила Гвен, что та не создана для этого, что ей было бы лучше жить где-то севернее, где нет такого жестокого солнца, и по итогу она теперь там. Вышла замуж и уехала в Айдахо. А однажды, когда Бри было шесть, а Байлу — тринадцать, соседская кошка зачем-то полезла под забором в собачий подкоп и, ко всеобщему удивлению, в нём застряла. Байл, будучи отважным и сильным, полез эту кошку спасать. Животное не пострадало: перепугавшись, оно убежало обратно, но вот руки брата были нещадно исцарапаны паникующим животным.

Миссис Россер тогда была очень горда и, обрабатывая раны сына, называла его настоящим героем. Её муж не разделял этих чувств, сказав:

«Ты молодец, если не умрёшь от бешенства. В противном случае это было глупостью!»

Реакция Байла была ожидаемой, так как он был не только смелым, но и резким.

«Глупость — это то, что ты говоришь!» — выкрикнул он и по итогу остался наказанным. Его геройский поступок был быстро забыт из-за его наглости.

С Уэйном воспоминаний у Бри было мало. Большая разница в возрасте сделала так, что в юном возрасте она практически с ним не общалась из-за его отъезда в университет, и только сейчас узнаёт брата.

Кошачий крик вдали вырвал её из воспоминаний, напомнив, что она сидит посреди ночи босиком и в пижаме во дворе, вместо того чтобы спать в своей постели.

До рассвета было ещё далеко.

«Так сколько же времени?» — спросила саму себя Бри и поднялась с кресла.

Было решено вернуться в дом.

Внутри было тепло, по крайней мере так казалось на контрасте после улицы. Шлёпая босыми ногами по полу, она направилась к лестнице на второй этаж.

Вообще, часы были в каждой комнате дома, но электронные — только в её. В гостиной, в столовой, на кухне и даже в коридоре второго этажа висели обычные, механические. Какие-то громко тикали, какие-то работали беззвучно. Но самым печальным было то, что в темноте совершенно не было видно стрелок, а включать свет Бри не хотела. Яркая лампочка нарушила бы тот покой, который Бри хотела чувствовать в глубине себя, а ведь ночная темнота у всех с ним ассоциируется.

Скрипучая деревянная лестница позволила Бри незаметно спуститься вниз, но по пути обратно сопровождала её неприятным звуком. Словно Бри вдруг стала весить в сто раз больше, чем есть на самом деле, и намеренно ставила ногу так, чтобы лестница жалобно заскрипела.

Пытаясь производить как можно меньше шума, Бри ушла к себе.

Зелёные цифры на часах, которые стояли на письменном столе, показывали 02:41. Почти три часа ночи, но никакого желания спать.

От понимания, что ей нечем заняться, она ощутила тяжёлую скуку. Но лечь в постель и притворяться спящей ей не хотелось точно. Для себя она окончательно определилась, что сегодня уже не уснёт, поэтому вернулась к двери и щёлкнула выключателем.

В комнате резко стало светло.

Мятая постель, одеяло, отброшенное в сторону с того времени, как Бри встала с кровати, всё ещё горящая лампа на тумбочке, закрытое окно. И, раз она решила отказаться от ночного сна, выключила светильник, заправила постель и немного приоткрыла окно.

Почувствовался запах ночного воздуха.

Сев на угол стола (стул обычно она полностью игнорировала), она вновь взяла в руки сборник стихов. В отличие от прошлого раза, теперь она не вкладывала душу в их чтение. Она быстро бежала взглядом по строкам и даже не пыталась уловить их смысл.

А затем, захлопнув книжку, заговорила вслух то, что стало приходить ей на ум:

Печален день, печальна ночь,

Куда ни сунься — лишний по итогу.

Неважно, сын ты или дочь,

Несёшь с собой тяжёлую тревогу.

Не отрезвит ни ветер, ни прохлада,

И камнем сверху давит тишина...

То, что должно дарить усладу,

В итоге только губит без вина.

Желая записать то, что вдруг родилось в её мыслях, Бри быстрым движением открыла ящик стола. Доставая оттуда блокнот и ручку, она мысленно повторяла строки по кругу и успокоилась только тогда, когда поставила точку.

«Да, я, конечно, не талант! Вот Клементин! Вот его стихи — верх искусства!» — вдруг иронично подумала Бри и улыбнулась.

О сравнении с ним и речи идти не могло. Бри объективно понимала, что, напиши она самое отвратительное стихотворение на свете, оно всё равно оказалось бы лучше, чем то, что пишет Клементин. Ведь, в понимании Бри, он не чувствовал, не понимал природу человеческих эмоций, а лишь писал, пытаясь быть похожим на то, что написано в сборниках стихов.

Убрав блокнот на место, Бри откинулась спиной на стену и устремила взгляд в собственное отражение в окне. Её словно нарисовали масляными мелками на чёрном картоне. Образ её был понятен, но нечёток. Она видела усталость на своём лице, но плохо понимала причину: отсутствие сна сказалось или эмоционально сложный ужин накануне. Взгляд был пуст. После написания стихотворения ей показалось, словно кто-то забрал у неё часть её внутреннего груза.

Глубоко вздохнув через нос, она отвела взгляд. Рассматривать себя дальше не хотелось. Она провалилась в мысли и просто ждала рассвета, иногда бросая взгляд на часы. Она ждала, когда они покажут ей 06:30, и в соседней комнате зазвучит будильник её родителей. Она ждала, когда зазвучит голос её матери. Пусть это будет пустая и весёлая болтовня, но тишина отступит.

Она просидела так ещё час, пока всё же странная усталость не опустилась на неё. Это было её тело: ему не нравилось проводить ночь без сна. Заслезились глаза, она зевнула, по спине пробежались мурашки, и очень сильно захотелось прикоснуться к хрустящей ткани постельного белья.

Бри слезла со стола, выключила свет и только в этот момент заметила, что на горизонте небо уже не чёрное. Плавно набирал обороты рассвет.

На часах было уже 04:07.

«Ночью время тянется дольше, чем днём!» — возмутилась Бри и легла поверх пледа.

Закрыв глаза, она глубоко вдохнула запах ткани. Пахло знакомо, по-домашнему, и Бри понадеялась уснуть.

Её разбудил отцовский тяжёлый шаг по деревянному полу, разговоры внутри дома (работница разговаривала с её матерью), крик соседского мальчика, который требовал у кого-то вернуть его мяч, и совершенно другой запах, заполнивший комнату.

Раскрыв глаза, Бри приподняла с пледа голову. За окном было сияющее солнце, чистое небо и никакого намёка на дождь. Часы на столе показывали 10:21.

Переодевшись, Бри ушла в ванную и после утреннего туалета спустилась вниз. Столовая была пуста: все уже позавтракали, и Бри обрадовалась, что сможет поесть на кухне в полном одиночестве.

Её родители были в гостиной вместе с работницей. Мистер Россер проверял качество склеенных прошлым вечером книг. Какие-то уже оказались готовы вернуться на полку, другие ещё не просохли. Его жена сидела на диване и рассказывала работнице об истинных достоинствах мужчин, которые стоит ценить:

— Он, конечно же, должен хорошо зарабатывать! Доход мужчины — это основное его достоинство. С чем угодно можно смириться, даже с грубостью. Но вот с безденежьем не смиритесь ни одна уважающая себя женщина!

Бри не хотела это слушать, она ушла в кухню и включила газ, чтобы нагреть воду в чайнике. Взяла два ломтя хлеба и кинула их в тостер, после чего достала из холодильника масло.

— Британи! — вдруг она услышала зов своей мамы из гостиной. — Ничего не делай! Сейчас тебе накроют на стол.

В этот же момент в кухонных дверях появилась работница, которая поспешила достать из шкафа чашку и заняться приготовлением чая, но Бри, практически шёпотом и отведя взгляд, обратилась к ней:

— Нет нужды. Я справлюсь сама.

В этот момент Бри показалось, словно она в принципе впервые в жизни с ней заговорила. Повисла неловкая пауза, и работница дома невольно обернулась через плечо, словно проверяя, нет ли случайного свидетеля их разговора.

— Ваша мать настаивает, Британи, — тоже тихо ответила женщина.

— Спасибо, но я всё сделаю сама, — настаивала девушка. — Чтобы не разочаровывать её, побудь пока здесь.

И в этот момент хлебом выстрелил тостер. Это был такой неожиданный и громкий для их шёпотов звук, что обе невольно вздрогнули.

— Ладно, — уже увереннее заговорила женщина.

Она прошла к столу и села на стул, надеясь, что миссис Россер не решит вдруг появиться на кухне.

Чёрный чай без сахара и два тоста с маслом. Британи поставила свои кулинарные изыски на стол и с воодушевлением села, подтянув ноги под себя. Рядом не было мамы, которая ударила бы по лопаткам: «Держи спину ровно!», «Потом будет спина болеть, опусти ноги!» — и она могла позавтракать в любой позе, даже вывернувшись наизнанку.

Работница, желая, чтобы та могла насладиться этим в полной мере, ушла обратно в гостиную.

Солнце освещало кухню, тихо тикали часы, на заднем фоне домашних звуков играло радио. Музыка, и что-то такое старое, как и все вещи её отца.

У неё было ощущение, словно она живёт не в середине девяностых, а прочно застряла в двадцатых годах. И почему-то сегодня утром это чувство в ней укоренилось. Она бы сочла, что случайно попала в прошлое, но на кухне на стене висел календарь 1994 года.

Раздался голос исполнителя: джаз, плохая запись, не английский язык. Ветер покачнул белую занавеску на окне, и Бри поняла, что среди окружающих звуков слышит новый и очень странный. Ритмичный стук и жужжание.

Отложив тост, она присмотрелась к занавеске. Выше свободного пролёта, не понимая, что перед ним стекло, потерялся шмель. Он бился об окно, очень стараясь оказаться на улице.

Бри всегда боялась насекомых, особенно тех, кто способен ужалить, но она очень сильно хотела помочь несчастному шмелю выбраться на свободу.

Приподняв занавеску, она плавно стала опускать её свободный край на шмеля, заставляя его смещаться вниз от потенциальной угрозы. И тот, даже не понимая, что его сейчас спасли от смерти внутри чужого дома, спустился ниже и вылетел в открытое окно.

«Вы молодец, Британи Брианна Россер!» — подумала она и продолжила завтрак.

— Почему женщина должна что-то зарабатывать? — вдруг она услышала голос матери из гостиной. — Совершенно нет! Ей совершенно не нужен личный доход, по крайней мере после того, как она вышла замуж. Нужно спокойно жить, заниматься детьми, гулять, ухаживать за собой. Женщина — произведение искусства! Её нужно оберегать, а не бросать в пучину работ, хлопот и финансов. Я не работала никогда. В детские годы я жила очень хорошо. Мой отец был владельцем небольшого алкогольного производства, которое было крайне выгодным после снятия сухого закона. Моя матушка носила только натуральные шелка и золото. А не успела я задуматься о том, о чём думают девушки сейчас, как встретила мистера Россера. Дамион жил в этой чудесной стране только несколько лет, но уже был хорошо известен. Когда он начал практику адвоката, город быстро о нём узнал. Потрясающий профессионализм! И я вышла замуж, зная, что мне не грозит нищета. Отец мой был очень доволен моим выбором!

Она замолчала. Видимо, ей что-то отвечала работница и сказала что-то настолько приятное, что дальше миссис Россер говорила ровнее и тише. Бри вновь услышала музыку из радио, и это её обрадовало.

Сполоснув чашку, она вернула её на место и хотела уйти к себе, как вдруг вновь услышала свою мать:

— Бри, иди к нам.

Тяжело вздохнув, она подчинилась и, пройдя через коридор, вошла в гостиную.

Её мать, сидевшая на диване, была одета в один из самых старых её туалетов (слово «наряд» показалось бы Бри слишком неуместным). Белая хлопковая юбка с красивым нежным вышитым узором, блуза такая же нежная, лёгкая. На её груди лежал медальон: слоновая кость с вырезанным на ней ангелом в золоте. Рядом на диване лежала соломенная шляпа с белой шелковой лентой, завязанной бантом.

Так одевались женщины в конце десятих годов, и именно эта одежда досталась миссис Россер от её матери и её старших сестёр.

— Ты прекрасно выглядишь, — произнесла Бри, зная, что обязана это сделать. Ко всему, теперь она понимала, что сегодня у её матери ностальгическое настроение.

— Ох, моя дорогая, — её мать залилась румянцем, — как приятно это слышать! Спасибо! А теперь садись с нами рядом.

Бри в брюках и водолазке рядом с ней казалась словно из другого мира.

Но не успела миссис Россер вновь погрузиться в воспоминания, как вдруг раздался дверной звонок.

— Милый, мы кого-то ждём? — перепуганно спросила женщина, одновременно задумываясь, готов ли дом к приёму гостей.

— Абсолютно нет, — ответил ей муж, откладывая книгу.

— Я посмотрю, — ответила работница и поднялась с дивана.

В гостиной повисла тяжёлая тишина. Миссис Россер явно переживала, а её муж прислушивался. Одна только Бри надеялась, что ничего серьёзного не происходит, и работница про-

сто принесёт какое-нибудь извещение или письмо. Но вместе с работницей в гостиную прошёл высокий привлекательный мужчина в сером деловом костюме. Увидев его, Бри даже не сразу поняла, кто это.

— Энцо? — она не поверила глазам. — С чего вдруг приехал?

— С предложением! — громко ответил он, и миссис Россер, неправильно его поняв, смутилась.

Шумный, активный, с живой жестикуляцией и мимикой, он среди стагнации этого дома показался Бри ещё более неуместным здесь, чем она.

— Каким же, позвольте узнать? — всё же заговорил мистер Россер.

— Мы учились с Бри в одной группе! И я считаю: сколько можно сидеть без дела? Целый год уже почти прошёл. И я хочу предложить Бри работу со мной. У нас появилась вакансия! — говорил он слишком воодушевлённо, поэтому миссис Россер совершенно не поняла, о чём он говорит.

— Мы должны знать, от кого принимаем предложение...

— Мама, подожди! — перебила её Бри, вскакивая на ноги с дивана. — Энцо, что ты сказал? Ты предлагаешь мне работу?

— Работу? — будучи совершенно ошарашенной, практически оскорблённой, спросила миссис Россер.

— Да, — продолжал гость, — я сказал руководителю, что если им нужен хороший автор, то это точно к Бри!

— Ты сумасшедший! — выкрикнула Бри, заливаясь хохотом от радости.

— Я совершенно серьёзно! — ответил мужчина.

— Я в шоке, я не знаю, что сказать, — улыбаясь, говорила Бри, — мне срочно нужно на воздух!

Желая оставить родителей и работницу где-то позади, словно они только одним своим присутствием могут заставить Энцо передумать, она повела его за собой во внутренний двор через стеклянную дверь в столовой.

Уже оказавшись на улице и глубоко вдохнув через открытый рот, Бри поняла, что её руки потряхивает от перевозбуждения, а говорить о работе она всё ещё не в силах.

— Ты так никогда больше к нам не врывайся, — обратилась она к Энцо, — у моей матери чуть инфаркт не случился! Ты был хоть раз в библиотеке? Вот мой дом — большая библиотека.

— Твоя мама так удивилась моим словам, — Энцо приподнял брови, — словно я тебе предложение руки и сердца сделал.

— Если ты завидный жених, то она бы этому только обрадовалась, — ответила Бри с ухмылкой.

Энцо же, откинув голову назад, провёл пальцами по вискам, театрально приглаживая волосы, и ответил:

— Думаю, я очень хорош!

— Особенно тем, какие новости ты принёс, — подтвердила его слова Бри. — Работа? В новостном издательстве? С тобой?

— Именно, детка, — он продолжал улыбаться, — в главной газете штата!

— Офис в Атланте? — спросила Бри, возвращая себе серьёзность.

— Да, но тебе могут выделить служебную машину, раз ты живёшь далеко от центра, — Энцо тоже посерьёзnel. — Зарплата хорошая, плюс премия, если раскупается весь тираж — в зависимости от твоего вклада в него. Принцип работы человека, на место которого мы ищем замену: интересные интервью, освещение праздников, освещение резонансных скандалов, но не криминал. Что-то более репутационное! Если удаётся что-то разузнать об известных персонах штата, полагается вознаграждение в виде премии. Ещё этот человек писал про новости спорта, но я со студенческих времён помню, что тебе это неинтересно. Спортивную колонку

я заберу на себя, а тебе можно будет открыть новый раздел на ту тему, которая тебе более интересна!

— Звучит очень впечатляюще! — Бри не верила ушам. — Я хочу попробовать!

Энцо был доволен её реакцией.

— Ну и отлично! Завтра к десяти приезжай в центральный офис.

Он обернулся через плечо и глянул в панорамные окна, пытаясь разглядеть столовую, словно ожидая там кого-то увидеть. Но дневное солнце играло злую шутку: он видел только собственное отражение.

— Чай тебе не предложу, — проследив за его взглядом, сказала Бри, — спасибо тебе, что вспомнил обо мне и именно мне предложил работу, но моим родителям нужно пережить такие новости в тишине, в привычном для них состоянии.

— Главное, не передумай, — Энцо хмыкнул.

— Ты столько разделов перечислил! — Бри прижала руки к груди. — А чем занимаются другие журналисты? Сколько вообще людей в штате?

— Я заберу у тебя спортивную колонку. Я также занимаюсь политикой, жизнью знаменитостей, медициной и здоровьем, — говорил Энцо, вновь посерьёзнев, — с нами ещё два человека. Один занимается разделом с рекламой, заполняет его актуальными предложениями. Это, конечно же, не бесплатно: желающие оплачивают своё упоминание как на сайте, так и в тираже. Но он не сидит с нами — он работает с отделом рекламы. Второй пришёл недавно, но он опытный журналист: он уже на пенсии и решил работать у нас для души. Пишет про культурную составляющую жизни штата, делает какие-то исторические очерки, ведёт колонку с анекдотами. Делает необходимое для того, чтобы газета была живой, а не сухим сборником новостей. Мы сейчас работаем вдвоём.

— А я ведь новичок, — Бри покачала головой, — я пока что в профессии ещё не работала.

— Да, но я давно тебя знаю и уверен в тебе! К тому же поначалу совершенно незасорно, если я буду в чём-то тебе помогать!

Они улыбнулись друг другу.

— Ладно, мне уже пора ехать, а тебе — думать и разговаривать с родителями, когда они будут к этому готовы, — Энцо бросил взгляд на наручные часы.

И Бри, понимая, что близится время прощания, почувствовала себя по-настоящему неловко. Она опустила голову и скрестила пальцы, пытаясь скрыть своё смущение. Всё происходило со всеми возможными нарушениями правил приличия, которым с таким упорством учила её мама. И она тихо заговорила:

— Ты уж прости, что всё так... Спонтанно! Вытолкала тебя на улицу, чай не наливаю.

— Всё так сложилось, потому что я изначально явился в твой дом очень воодушевлённым! — Энцо отмахнулся. — Без предварительного звонка и без приглашения я вторгся в твой тихий дом. Не совсем правильно.

— Рада, что мы не имеем друг к другу претензий! — Бри ощутила облегчение.

Вдвоём они вернулись в дом, прошли по коридору и оказались в прихожей.

Теперь Бри не знала, что чувствует, и очень надеялась, что, когда Энцо уйдёт, дом вернётся в своё привычное состояние и она сможет обрести душевное равновесие в тишине среди тикающих часов и чёрно-белых фотографий.

— Что ж, до завтра, Бри! — Энцо кивнул.

— До завтра!

Бри закрыла за ним дверь и замерла, продолжая держать дверную ручку. Она прислушивалась, надеясь, что сейчас её никто не позовёт, не потребует объяснений и оправданий, а самое ужасное — извинений. Только сейчас Бри осознала, что позволила себе недопустимое:

перебила мать, попросив её подождать. Подождать, но из её уст в тот момент это звучало так, словно она попросила маму заткнуться.

Медленно развернувшись спиной к двери, она поняла, что даже если она решит уйти к себе, ей предстоит пройти мимо двери в гостиную. И если мать ждёт её, то они всё равно могут встретиться взглядами.

«О чём я думала?!» — ругала себя Бри.

Было слышно только тиканье часов и приглушённую музыку из радио. Казалось, словно не только она одна замерла, не смея пошевелиться. В гостиной её родители не издавали ни звука. Наверное, они окончательно превратились в восковые фигуры, и даже их дыхание оставалось. Работница же словно растворилась в напряжённом воздухе.

Медленно и тихо Бри направилась в сторону лестницы на второй этаж и, проходя мимо гостиной, надеялась, что никто даже не поднял головы, чтобы глянуть на неё. Сама она просто прошла мимо, словно никакой раскрытой двери и не существовало.

Взявшись за перила лестницы, она поняла, что всё самое страшное позади, и быстрым шагом, но удивительно бесшумно, она поднялась вверх и зашла к себе.

Захотелось что-то написать, выложить свои мысли и чувства на бумагу, но она решила от этого отказаться, ведь пока что не понимала, что происходит внутри неё. Странное напряжение внутри не давало в полной мере обрадоваться предложению Энцо, поэтому Бри ощущала коктейль из сожаления и странного, ничем не оправданного разочарования.

Бри села на кровать, положив руки на колени, и уставилась взглядом в пол.

«Сегодня очень странный день!» — подумала она.

Больше ни о чём думать у неё просто не было сил. Странная тяжесть легла на её плечи, словно прямо сейчас она должна полностью придумать, разработать, написать и выпустить тираж газеты. Это было жестокой игрой её воображения и, судя по всему, врождённой повышенной тревожности.

Она потёрла виски, глубоко вдохнула, но легче ей не становилось. Несмотря на приоткрытое окно, она не замечала лёгкого ветерка, и солнце за окном казалось ей просто декорацией. Детские игры в соседнем дворе растворились на заднем фоне её странных, путаных мыслей.

Внизу сидела мама, и Бри понимала, что это дело времени — они столкнутся в неприятном разговоре. Ей не избежать этого. Она выслушает и насчёт хамства, и насчёт работы. Просто сейчас пока что у миссис Россер нет сил на этот разговор: она была слишком сильно потрясена появлением Энцо. А её отец не скажет ей ни слова, только будет наблюдать с расстояния. Но его молчания будет вполне достаточно, чтобы Бри поняла, как разочаровала их.

А завтра — ехать в центр Атланты, в офис издательства, разговаривать с руководством: договариваться об условиях труда, определять дату её первого дня, надеяться на то, что она не разочарует их в первый же день работы.

«Наверное, Энцо поспешил! Да и я так бездумно согласилась! Четыре года учёбы, а словно я никогда ничего не писала! Я боюсь!» — в этот момент Бри поняла, что она в действительности чувствует. И страх её был не только из-за работы, но и из-за того, как её родители к этому отнесутся.

«Энцо сказал, что верит в меня. Значит, он на меня надеется... Каким ужасом будет подставить его! Не оправдать его ожидания! Что он рассказывал руководству обо мне? А рассказывал ли? Вдруг они ждут настоящего профессионала? А приеду я!» — Бри покачала головой.

Она встала с кровати, прошла к окну и выглянула в него. Глубоко вдыхая через нос, она понадеялась, что это поможет выгнать из головы тревожные мысли. Но после она рывком обернулась и посмотрела на часы на столе:

«Сколько сейчас времени? Я должна знать, сколько часов осталось до моего завтрашнего визита в издательство!»

Часы показывали 12:58. Почти час дня.

«В издательство мне надо к десяти, значит, мне осталось двадцать два часа. Двадцать два! Но как быстро они пролетят! И я окажусь там, среди профессионалов, акул журналистики, обязанная доказывать, что имею право считаться одной из них!»

При этом её мозг совершенно отказывался допускать мысль, что Энцо будет помогать ей, как и сказал во внутреннем дворе. Это выпало из её памяти, и она могла думать только о тяжёлой ответственности, которая её ожидает.

«Если я не справлюсь, меня выгонят? С позором? Возьмут ли меня потом куда-нибудь?» — Бри снова выглянула в окно. — «Двадцать два часа! И что? Я буду всё это время убиваться и страдать?»

Бри встряхнула головой, прогоняя лишние мысли, и села на угол стола. Она продолжала смотреть в окно, на соседских мальчиков, которые бегали по заднему двору близстоящего дома.

Глава 3. Среди тиканья часов

Бри боялась. Она цеплялась за каждый час и надеялась, что он будет тянуться как три. Но если накануне, когда она ждала рассвета, ночь тянулась невыносимо долго, то теперь минута словно сократилась и стала лишь половиной от самой себя.

Когда прошла пара часов, и на город опустилась дневная жара, Бри поняла, что этот день, как и завтрашний, не даст ей возможности расслабиться и задышать ровно.

С матерью к этому моменту она так и не разговаривала, потому что выбрала политику «исчезни, и, может быть, мама тебя простит», поэтому просто не выходила из комнаты.

Если бы она до сих пор училась в школе, она бы сейчас с огромным усердием выполняла домашнее задание, словно это способно помочь загладить вину.

При этом Бри плохо понимала, в чём именно её вина, но атмосфера в доме была тяжёлой, словно перед грозой, когда от духоты становилось нечем дышать, поэтому Бри предпочла не усугублять ситуацию. Сидя у себя, она размышляла, что сказать, если мать придёт к ней с вопросами. Но в голову ничего не приходило.

Чем заняться, чтобы ожидание не казалось мучением, Бри не знала. Читать стихи или же писать их — не хотелось. Просидеть весь день у окна — бесполезное использование времени, и Бри было бы стыдно целый день не сделать ничего полезного, хотя бы для себя.

Захотелось на задний двор, и не свой, а соседский. Там был большой бассейн с чистой голубой водой, и, несмотря на то что воздух ещё редко прогревался до тридцати градусов, в нём уже плавали его владельцы.

Жизнь на юге по-своему прекрасна. Короткая зима, бесснежная и безморозная, позволяла не иметь в своём гардеробе тяжёлую зимнюю одежду, обходиться лишь несколькими свитерами и ветровками, но делала Рождественские каникулы грустными. А лето было длинным, жарким и влажным из-за близости к океану, из-за чего нередко на территории можно было найти случайно заползшую змею. Обычно гадюку. Иногда жару сбивал прохладный океанический ветер, а иногда со стороны Техаса дул горячий — словно кто-то открыл огромную духовку — ветер. И сейчас в комнате Бри было жарко, откуда-то издалека ветер нёс запах цветущей сирени и акации.

Несмотря на жёсткий контроль за временем, Бри быстро ощутила скуку. Собравшись с силами, она всё же решила спуститься во двор. Она взяла первую попавшуюся под руку книгу и вышла из комнаты.

Внутри неё что-то подсказывало, что сейчас её родители сами не готовы к разговору, и поэтому решила пройти мимо гостиной, не поворачивая головы.

Бри вошла в кухню, через неё в столовую и вышла во двор. Солнце было ещё высоко, тени были короткими, а его лучи — жёсткими и жгучими, поэтому Бри оставила стул под козырьком и села в него. Сегодня она была обута — тонкие летние кеды, поэтому отморозить ноги на бетонном полу ей уже не грозило.

Раскрыв книгу, Бри всё же решила узнать, что она взяла с собой.

«Алая буква» Натаниэля Готорна.

И Бри невольно сморщилась.

Они изучали этот роман на последнем году старших классов. И их преподаватель английского языка считала, что по этому роману нужно в обязательном порядке написать сочинение.

«Почему я взяла именно его?» — спросила себя Бри, потирая свой лоб.

Разглядывая обложку, она в итоге улыбнулась. Странная горечь обожгла её, и она подумала:

«Если бы мама хотела довести меня до полного отчаяния, она бы заставила меня написать сочинение и про мою жизнь. Тема: "Почему я не такая, как надо"».

От этой мысли началась странная, тяжёлая тошнота, и она отложила книгу, глубоко вдыхая через рот. Тревога нарастала, её сила становилась настолько непреодолимой, что даже тело начинало на неё реагировать.

Прижав роман к боку, она пыталась выровнять дыхание, но ничего не получалось. Она разглядывала крышу соседнего дома, небо, забор, окно, козырёк, бетонный пол. Ей понадобилось минут пятнадцать, чтобы привести себя в чувства, и она вновь достала книгу.

«В масштабах человеческой жизни я закончила школу недавно, многого не помню, но это сочинение было очень сложным для меня! Ох, Эстер...» — думала Бри.

После того как преподавательница оценила его на высший балл, так ещё и с плюсом (А+), Бри забрала у неё оригинал и сделала себе копию, которая лежала где-то среди школьных вещей в каморке.

Британи очень долго не могла понять, почему оно для неё так важно, ведь по итогу она даже не знала, где именно оно находится, но тогда не смогла позволить ему исчезнуть полностью.

Зная, что преподавательница не станет вмешиваться в жизнь семейства Россер, главным примером «несоответствия рамкам» Бри выбрала себя. Наверное, это и подкупило женщину, которая прониклась работой своей ученицы.

Думать о книге больше не хотелось. Она сунула её за спину, прижав к пояснице, и откинулась в кресле. Она закрыла глаза и расслабилась. По крайней мере, попыталась.

Бри не хотела думать о работе, о родителях, о вине, о долге, о будущем. Она надеялась раствориться в тишине заднего двора, чувствуя лёгкий ветерок и сладкий запах цветения. Этого сейчас ей очень не хватало — покоя.

Не так давно она изнывала от отсутствия движения, она жила в спящем доме, который находился за границей времени, а теперь каждая минута стала ценнее золота, а внутри неё разгорелась настоящая паника. Ничего от стагнации не осталось, и она очень надеялась, что у неё получится взять контроль над своими чувствами и вновь ощутить привычную эмоциональную стабильность.

Бри не заметила, как задремала. Приятное тепло и лёгкий ветерок помогли ей расслабиться, и она была рада, что природа юга позволила ей, пусть и временно, но перестать заниматься самоистязанием.

Когда Бри открыла глаза, тени удлинились. Ветер стал немного прохладнее. Очень захотелось в дом и что-нибудь съесть, поэтому, не теряя времени, Бри поднялась на ноги, забрала книгу и вошла в столовую.

Шумно зевнув, Бри с опозданием подумала, что её наверняка услышали и осудили родители. Хорошо, что они в этот момент не увидели, что она не прикрыла рот рукой.

Пройдя в кухню, она услышала голос работницы. Она разговаривала с миссис Россер, а затем вышла в коридор и исчезла из поля зрения Бри с тазом, полным чистого белья.

Брианна положила на кухонный стол книгу и задумалась о том, что она может съесть, но в голову ничего не приходило. Она открыла холодильник, но внутри не было ничего интересного.

Тяжело вздохнув, она поняла, что ей придётся ждать семейного ужина. От этой мысли становилось совсем нехорошо. И, забыв про книгу, она вышла в коридор и уже хотела направиться к себе.

— Брианна, зайди к нам, — вдруг она услышала голос отца и невольно вздрогнула, так как совершенно этого не ожидала.

Понимая, что промедления отец не потерпит, она быстро прошла в гостиную и направилась ближе к нему. Взгляд поднять при этом она не осмелилась и надеялась, что мать будет милосердна и не заговорит с ней.

Мистер Россер стоял у стола. В руках у него была одна из его книг. Потёртая, издававшая годы, но отреставрированная. Она лежала в его руках как любимый ласковый питомец.

— Расскажи, пожалуйста, что это за молодой человек, который нарушил покой нашего дома?

Бри, разглядывая блестящую поверхность стола, ответила:

— Мой бывший одноклассник и староста — Энцо Марино.

Она понимала, что отец будет задавать вопросы, а она будет постепенно на них отвечать, расширяя понимание происходящего у своих родителей, поэтому решила взять всё в свои руки.

Рывком подняв голову, она глянула отцу в глаза. Тот немного растерялся и отступил назад, словно на него оскалилось дикое животное. Его пальцы крепче сжали книгу, а Бри, вцепившись в угол стола, заговорила:

— Он предложил мне работу. Завтра я еду в центральный офис. Я буду работать по профессии, журналистом.

— Ни к чему столько эмоций, — послышался голос миссис Россер, которая всё это время сидела на диване, — и поспешность также неуместна. Ты совершенно не обдумала своё решение.

Бри поняла, что ничего не хочет говорить. Она бросила взгляд на мать. Всё внутри неё клокотало от гнева, но выразить его она не могла себе позволить. Испытывая ужасное чувство беспомощности, она уронила голову и начала разглядывать ковёр на полу.

Она понимала, что они позвали её, чтобы растерзать её. Но не как дикие псы, а как стервятники, смотрящие на неё свысока и клюющие её слабое тело. Она почувствовала себя настоящим отравителем. Слёзы потекли по её щекам, но она не стала их вытирать.

Чёрная нитка через зелёную — изумрудный ковёр с чёрными кружевными узорами. И Бри разглядывала его, смиренно ожидая, когда они начнут её казнить, а затем обессиленную и разочарованную, униженную, практически изнасилованную, они выставят её за порог гостиной, и она уйдёт к себе рыдать. Но висела тишина, мистер и миссис Россер молчали.

Её отец отложил книгу, тяжело вздохнул, словно собирался с мыслями, а потом всё же произнёс:

— На чём ты поедешь?

— Дамион! — вдруг вскрикнула миссис Россер. — Нет и нет, даже думать об этом не смей!

Женщина вскочила с дивана и бросила на мужа гневный взгляд. Она была готова рассыпаться в тираде, но молча замерла, поджав губы.

Как бы она ни злилась, она понимала, что не может кинуться на супруга с претензиями и обвинениями. Гнев прожигал её изнутри, это было видно по её напряжённому лицу, но она продолжала держать себя в руках, ожидая, когда эмоции утихнут.

Вместе с ней ждал и мистер Россер с дочерью.

Несмотря на огромное количество часов в доме, висела глубокая, осязаемая тишина, словно на них троих опустили стеклянный купол. И терпеливо ждали, когда кто-то из её родителей заговорит.

— Бри, не стоит соглашаться на эту работу, — заговорила миссис Россер, словно девушки не было в гостиной, — я думала, что хотя бы она выберет правильную для женщины жизнь. Радость жизни с любимым человеком, а не бесконечную работу подобно коню в поле...

Бри знала, что её отец не станет с этим спорить. Он положил книгу на стол, выглянул в окно, словно там что-то произошло, затем поправил кружевную занавеску и прошёл к своему столу с видом, словно Бри только что зашла в гостиную.

— Так на чём же ты поедешь? — спросил он её совершенно спокойным голосом, и она невольно перевела взгляд на мать, которая в этот момент, словно тряпичная кукла, упала обратно на диван.

Женщина закрыла лицо руками и покачала головой своим мыслям, не желая быть частью этого разговора.

— Если честно, я не знаю, — Бри пожала плечами, переводя взгляд обратно на отца.

— Ты можешь взять мою машину...

— Нет, она не может! — миссис Россер вновь встала с дивана, но теперь она уже не была в силах сдерживать свои эмоции.

Широкими шагами она прошла ближе к мужу, закинула голову, разглядывая высокий белый потолок, а потом, тяжело вздохнув, продолжила:

— О чём же ты думаешь, милый? Девушка за рулём? Наша Бри? Достаточно того, что она словно юнец расхаживает в брюках, ещё и в этих... Как они там? В джинсах! Так ещё ты хочешь усадить её за руль?

— У меня есть права, мама, — ответила девушка, но женщина словно не услышала её.

Она подошла ближе к мужу и заглянула ему в глаза:

— Дамион, ей было бы лучше с нами. Дома. Лучше бы этот Энцо приехал просить её руки... Мы бы смирились с тем, что он итальянец! Но работа...

Возможно, кто-то стал бы спорить. Но в этой семье подобное выражение своей точки зрения было совершенно неуместно. Полемика — прямой путь к нарушению сонного покоя в доме, который в последнее время стал настолько хрупким, что даже шёпот был способен его нарушить. Именно поэтому Дамион Россер в ответ лишь закивал, выражая своей жене искреннюю солидарность:

— Я прекрасно тебя понимаю, дорогая. И я согласен с тобой. Современные девушки кардинально отличаются от нашего с тобой поколения, но я ничего не могу сделать. Если я не дам Бри машину, она пойдёт пешком. Сложно даже представить такую картину.

Миссис Россер опешила. Она только в этот момент задумалась о решительности своей дочери и перевела на неё по-настоящему растерянный взгляд. Её глаза не могли зацепиться за одну точку, гуляя от её переносицы к скуле, а потом от неё к подбородку и обратно.

— В действительности? Ты уже всё решила?

«Неужели она способна услышать меня?!» — не поверила своим ушам Бри, но решила не уходить в размышления и просто ответила:

— Да.

— Дамион, но у машины тяжёлый руль... — тихо проговорила женщина. Миссис Россер продолжила сомневаться, но природа её тревог стала совершенно иная. Теперь она не была против решения дочери.

— Я думаю, Бри справится, — ответил ей супруг, и их дочь позволила себе торжественно улыбнуться.

Мистер Россер купил машину ещё двадцать лет назад. Тогда она была совершенно новой и в принципе такой и оставалась, так как мистер Россер к большинству своих вещей относился как к музейным экспонатам.

Заботливый владелец менял в ней масло, мыл её, заправлял, периодически профилактически заводил её и проезжал немного по району, но большую часть времени машина проводила в гараже, укрытая защитной тканью.

Это был Шевроле Каприз небесно-голубого цвета и с белой откидной крышей, что очень актуально в жарком климате южных штатов. Красивая и модная на начало семидесятых годов, но в середине девяностых — устаревшая, неэкологичная, гигантская машина, которая потребляла огромное количество бензина.

И тут у Бри, стоило ей задуматься об этом, моментально испортилось настроение. Улыбка сползла с её лица, оставив после себя неприятную горечь на сердце.

Опустив голову, она заговорила:

— Спасибо, что предложил свою машину, но ведь она очень ценна тебе. Вдруг что-то случится? Думаю, ты не простишь мне даже лёгкую царапину. И ведь если я буду на ней ездить, я все деньги буду отдавать на бензин.

— Посмотри, какая Бри рассудительная! — восхитилась миссис Россер. — Она озвучила то, о чём я даже подумать ещё не успела...

— Я не против, чтобы ты её взяла, но если ты не уверена, подумай: время у тебя есть, соглашаться на моё предложение или нет, — ответил мужчина дочери, и его жена с видом победительницы прошла обратно к своему дивану.

По её мнению, страх Бри оказался сильнее её решимости.

«Отказалась от машины, пешком не дойдёт, значит, никуда и не поедет завтра. Можно не беспокоиться: с этим сумасбродным итальянцем она работать не будет!» — думала миссис Россер, не сдерживая радости.

Она счастливо улыбнулась, принимаясь вновь за своё шитьё.

Бри прекрасно понимала, о чём думает её мать. Как дочь она знала её настоящее нутро. И Бри не знала, что должна чувствовать в ответ на такое откровенное насмехательство.

«Так что ж теперь? Сбить ей спесь и всё же взять машину отца? Но тогда ответственность за папин автомобиль ляжет на меня. А если не брать, то только дам ей лишний повод для радости, ведь без машины я завтра до центра Атланты не доберусь!» — думала Бри.

Она всё ещё стояла у отца и не замечала, что он продолжал работу: лишние книги убрал на полки, другие выложил на стол, достал клей, малярный скотч и приступил к своей привычной любимой рутине по реставрации книг.

— Я сообщу своё решение позже, — проговорила Бри, пусть никто и не ждал её моментального ответа, и вышла из гостиной.

Быстро она поднялась к себе и, закрыв дверь, впервые задумалась о том, что же сейчас произошло внизу.

«Отец предложил свою машину? И он даже не против?» — думала Бри и села на край своей кровати.

На самом деле она совершенно его не знала. У него была привычка практически не разговаривать со своими детьми, не делиться мыслями и переживаниями, не рассказывать своё прошлое и практически не участвовать в воспитании детей. В детских воспоминаниях Бри он существовал отрывками, и, не будь фотографий, она бы и не знала, что он всё это время был её отцом. А лет с десяти, когда её мозг стал активно записывать все события в её жизни в воспоминаниях, отца практически никогда не было рядом. Он словно все эти годы был отрешённым от семьи, вёл свой образ жизни отшельника внутри собственного дома. Поэтому такое резкое желание помочь Бри не понимала.

«А если я её разобью? Он, наверное, не до конца понимает... Нет, я не сяду в неё. Я боюсь!» — и Бри покачала головой.

Только в тот момент она вспомнила, что отсчитывала часы до поездки в центральный офис, поэтому рывком подняла голову и устремила взгляд на часы.

Было шесть часов вечера, и Бри почувствовала странную тревогу. Не так давно она думала только о том, чтобы не опозориться и справиться с трудностями в работе, оправдать ожидания Энцо и не оказаться уволенной в первый же день, а теперь на её плечи опустился тяжёлый вопрос: «Брать или не брать машину?».

Невольно вспомнился Шекспир, но и он не смог найти ответа на свой вопрос, поэтому Бри решила оставить эти мысли. Взять ключи у отца она сможет и утром, если он, конечно, не передумает.

Брианна почувствовала себя в полной мере несчастной, но не хотела цепляться за это. Достав сборник стихов, она села на край кровати и решила отвлечься на поэзию, и только в этот момент вспомнила, что забыла внизу книгу.

«Надо сходить забрать», — подумала она.

Вернув сборник на место, она вышла из комнаты.

Внизу было шумно. Работница накрывала стол в гостиной, и, к радости Брианны, она держала в руках три тарелки. Сегодня гостей не будет.

Миссис Россер ходила из кухни в гостиную и обратно с видом хозяйки с повышенным уровнем контроля. Она не пропустила ни одно действие работницы дома, при этом миссис Россер считала, что её истинное предназначение — сидеть в гостиной на диване и заниматься вышивкой или вязанием.

— Мисс Брианна, скоро всё будет готово, — проговорила работница, заметив девушку.

— Хорошо, — ответила она, находясь на распутье.

Она не знала, куда себя деть. Пойти в гостиную — снова задуматься о том, о чём не хотелось. В столовую ещё рано: она бы мешалась под ногами. Во двор не хотелось. На улице поменялся ветер: он перестал быть лёгким и тащил откуда-то тяжёлый влажный воздух.

Поэтому Бри решила быстро забрать книгу и вернуться к себе.

«Алая буква» лежала всё там же, на кухонном столе. Взяв её в руки, Бри ощутила то же чувство, что и на кресле во дворе. Неприятная тошнота перехватила ей горло, и Бри, пытаясь выровнять дыхание, направилась к себе.

В спальне на втором этаже она была недолго. Стоило только расслабиться, как её позвали за стол.

Ужин прошёл в тяжёлой тишине. Даже миссис Россер ничего не хотела говорить. Все молча и долго жевали: еда казалась резиновой. Хотелось как можно скорее доесть и убежать или чтобы хоть кто-нибудь нарушил тишину, но не она сама.

Это ожидаемо сделала миссис Россер:

— Бри, а у тебя на факультете было много приятных молодых людей? Этот Энцо казался мне слишком резким. Думаю, тебе под стать был бы человек с более холодным характером. Сдержанный, не импульсивный. В конце концов, именно это является проявлением такта и отличного воспитания. Знаешь, твой отец, например. Он всегда был очень сдержанным, всегда боялся обидеть, нарушить чей-то покой. Думаю, поддерживая традицию, тебе следует связать свою жизнь с подобным же мужчиной.

Она говорила размеренно, спокойно, словно невзначай, но Бри больше не могла есть спокойно. Отложив вилку, она решила ответить в той же манере:

— У нас на факультете количество юношей было примерно такое же, как и девушек. Были ли они приятными? Кто-то да, кто-то не очень. Энцо был старостой, поэтому большинство одноклассников сохранило с ним дружеские отношения, так как он нёс ответственность за всех нас. Многие были ему просто очень благодарны!

Женщина кивала в ответ, продолжая есть:

— Благодарность — это хорошее чувство. И за что ты благодарна Энцо?

Понимая, что это момент, позволяющий ей озвучить своё окончательное решение, которое не поменялось и не поменяется, как бы страшно ей ни было, она произнесла:

— За то, что он пригласил меня на работу. Очень надеюсь, что я его не подведу!

Миссис Россер была готова уронить вилку или в кого-нибудь её воткнуть. Она была крайне недовольна поведением дочери, её непозволительными словами, решениями и действиями. В голове женщины не укладывалось, как её дочь, пусть и получившая образование, может желать работать наравне с мужчиной, вместо того чтобы заниматься прямыми обязанностями женщины: выйти замуж и воспитывать детей.

«Их должно быть четверо! Не меньше!» — возмущалась внутри себя миссис Россер, а Бри продолжила ужин, радуясь, что очень скоро уйдёт к себе. Тарелка её практически опустела.

Она вышла из-за стола, несмотря на то что её родители ещё не доели. Миссис Россер промолчала, но и это сочла личным оскорблением.

Вернувшись к себе, Бри решила забыть про свою дерзость в столовой. Некогда было думать об этом. На улице плавно начинался закат: осталось совсем мало времени, и наступит утро. И она поедет в центральный офис.

Тревога продолжала мучить её, и она решила собрать вещи на завтра. Поедет она в том же, в чём обычно посещала официальные мероприятия: джинсы, кроссовки, белая футболка (больше похожая на майку, так как у неё голые плечи) и чёрный жакет без рукавов. Возможно, без пиджака, если будет очень жарко. А в сумку необходимо сложить все документы, которые могут заинтересовать руководство, среди которых обязательно диплом.

«Они будут смотреть на мои оценки? Интересно, они вообще кому-нибудь интересны? У меня по всем предметам только высшие баллы. Интересно, это даст мне какое-то преимущество?» — думала Бри, собирая сумку.

Она оставила её в сторону и села на край стола, выглядывая в окно.

Ночь пришла слишком быстро. Бри не заметила, как начался закат, поэтому темнота, опустившаяся на город, была для неё сюрпризом. Ещё недавно на часах было семь часов вечера, а теперь было пора переодеваться и ложиться спать. Но спать совершенно не хотелось. Сидя на краю кровати, она чувствовала, как её сердце бьётся с такой силой, что её тело покачивало. Неприятное чувство, словно началось её личное землетрясение.

«Надо просто пережить завтрашний день! Справиться с ним. Я не успею оглянуться, и он закончится так же быстро, как и сегодняшний. Я приеду домой, и всё будет хорошо!» — убеждала себя Бри, но это не помогало ей.

Тревога продолжала жрать её изнутри, и она ощущала это, словно странный, очень прожорливый червь поселился у неё в груди. Руки потряхивало, дыхание сбилось, а часы, сокращая время отдыха, вдруг настолько ускорились, что Бри боялась: если она моргнёт, то в ту же секунду они покажут семь утра.

«Да что ж это такое?!» — взывала Бри в своей голове.

Рывком поднявшись на ноги, она раскрыла шкаф, достала пижаму и бросила её на постель. Нужно было переодеться, лечь и засыпать. Да, Бри понимала, что это ускорит наступление утра, но нельзя было допустить, чтобы она не выспалась и приехала на собеседование, туго соображая.

Подчиняясь своему холодному расчётливому внутреннему голосу, она пыталась подавить свою панику и начала переодеваться. Следуя привычному вечернему ритуалу, она включила лампу на прикроватной тумбочке, выключила свет, расстелила кровать, легла и укрылась. Оставалось только заставить себя уснуть.

«Всё будет хорошо, будет хорошо!» — убеждала она себя, лёжа на боку, но комфорта никакого она не чувствовала.

Под одеялом было жарко. Скинув одеяло с ног и оставив открытыми только спину и руки, она тут же почувствовала, как быстро замёрзли пальцы.

«Наверное, надо было надеть носки», — подумала Бри, но вставать не решилась. Она накинула обратно на ноги одеяло, но скинула его с плеча и вытащила из-под него руку. И так стало немного лучше. Но сон к Бри так и не пришёл.

Не понимая хода времени, она глянула на часы, что стояли на письменном столе. С ужасом она осознала, что её попытка правильно улечься в кровати отняла у неё целый час.

Испытывая ужасное раздражение из-за этого, она рывком поднялась с подушки, расправила одеяло, откинула его нижнюю часть, чтобы укрыта была только одна нога, затем легла, укрыла плечи, спрятала под одеяло руки и закрыла глаза.

«Давай, Бри, нам нужно уснуть! Уснуть!» — думала она.

Нам? Она словно обращалась от лица сознания к собственному телу. Им обоим было необходимо успеть отдохнуть, выспаться и полными сил отправиться на собеседование. Но сон не шёл.

Сердце билось с такой силой, что расслабиться никак не получалось.

Перевернувшись на бок, Бри бросила взгляд в окно и только сейчас ощутила, что усталость берёт контроль над её эмоциями. По телу растеклась приятная тяжесть, и она сдалась.

К её счастью, ей ничего не снилось. Все её тревоги решили не беспокоить её ночью, из-за чего восемь часов превратились в одно мгновение.

Раскрыв глаза, Бри поняла, что время вышло. Наступило утро, необходимо собираться и ехать. При этом она до сих пор не решила для себя, берёт ли она машину.

«Если я решила ехать, то у меня нет другого варианта — надо брать машину!» — подумала Бри и подняла голову с подушки.

В этот момент она поняла, что в её комнате очень жарко. Подушка пропиталась её потом, одеяло лежало где-то в стороне. За окном сияло яркое солнце, прогревая воздух до уверенных восьмидесяти градусов по Фаренгейту (двадцать семь по Цельсию).

Поднявшись на ноги, она пощупала простынь. Та была влажной, и Бри решила дать постели «подышать», прежде чем застилать её, и направилась в ванную. Очень сильно хотелось умыться холодной водой, вырвать себя из плена ночной духоты, которая сменилась нарастающей утренней жарой.

Волосы прилипли к шее, пижама обнимала вспотевшую спину. Кончался май, и тяжёлая южная духота набирала обороты.

Войдя в ванную, Бри с облегчением выдохнула, когда её босые ноги ступили на холодную кафельную плитку. Она прошла к раковине, включила воду и обильно ополоснула лицо, шею, убрала волосы, а потом, запрокинув голову назад, глубоко вдохнула через рот.

— Как хорошо... — невольно вслух произнесла она.

В этот момент ванную комнату озарил яркий свет, и Бри осознала, что всё это время была в темноте. Она просто забыла про выключатель.

Прошла мимо него, не закрыв за собой дверь.

В коридоре стояла её мать.

— Доброе утро, — произнесла она.

— Спасибо за свет, — ответила Бри.

— Внизу, в кухне, тебя уже ждёт завтрак, — женщина развернулась и направилась на первый этаж.

— Спасибо! — крикнула ей вслед дочь.

После утреннего душа, с полотенцем на голове и в банном халате, Бри спустилась вниз. Кофе уже остыл, но это не расстроило, ведь горячее сейчас не хотелось. Тосты она оставила: тревога никуда не исчезла, она подавляла чувство голода и только вызывала лёгкую постоянную тошноту.

До выезда оставалось немного времени. Почему-то, несмотря на то что Бри не двигалась со скоростью черепахи, она ничего не успевала. Время опережало её на уверенных двадцать минут, и ей нужно было успеть их наверстать. Высушив волосы феном и убрав их заколкой на затылок, она переоделась в заготовленную одежду и спустилась вниз.

Испытывая все чувства разом, она зашла в гостиную. К её удивлению, отец в этот раз не возился с книгами. Он стоял у окна и разглядывал улицу, будто сам испытывал тревогу.

— Пап, — обратилась она к нему.

— Ты приняла решение? — он обернулся к ней, но она не знала, что ответить, и лишь пожала плечами.

— Иди на улицу, к гаражу, я сейчас буду, — с видом уставшего человека проговорил он, и Бри, подчинившись, молча направилась к выходу.

На улице уже было тепло. Сегодня вновь оказался солнечный день. И Бри, шурясь от солнца, прошла к воротам гаража.

Стоило ей подойти, они в это же мгновение раскрылись, и она увидела отца, стаскивающего с машины защитную ткань. Он сложил её и убрал на одну из полок металлических шкафов.

— Отойди чуть в сторону, — проговорил он ей и сел в машину.

Мотор зарычал. Мистер Россер завёл машину и плавно выкатился из гаража на подъездную дорогу, позволяя Бри увидеть машину во всей красе.

Она выглядела так, словно её только что пригнали из магазина. Отполированная, она сверкала в солнечном свете, блики отбрасывали хромированные решётка радиатора и бампера. Белый салон пугал Британи: оглядывая его, она невольно подумала, что очень быстро он станет серым и потеряет всю свою привлекательность. И ей стало грустно, что однажды эта машина может оказаться на свалке: ржавая, с гниющим салоном, снятая с колёс, где-то среди других машин, приговорённых к долгой мучительной смерти.

Она до этого никогда не задумывалась о «джанкярдах», которые были частым явлением в США. Машины, оказавшиеся там, когда-то тоже были такими красотками, но просто наступил день, когда починить машину стало невозможно или же она оказалась никому не нужна.

Бри провела пальцем по хромированной раме и глянула в собственное отражение.

— Пап, ей ведь уже двадцать лет, а она выглядит как абсолютно новая! — восхитилась Британи.

— За любой вещью нужно правильно ухаживать, — ответил мистер Россер, — и тогда она и через сто лет будет выглядеть как новая.

— Иначе их ждёт разрушение? — спросила Бри, пытаясь понять логику отца.

— Некоторые вещи, которые хотелось бы сохранить, всё равно ждёт забвение, но если мы хотим сохранить историю, то мы можем хотя бы попытаться это сделать, — мужчина согласно кивнул, и его дочь разогнулась, чтобы заглянуть мужчине в лицо.

— С этой машиной у тебя это шикарно получилось, — заметила Бри, ухмыляясь.

— Хотя я даже не старался, — мужчина пожал плечами, и Бри вспомнила, с какой особой бережностью он относится, например, к своим книгам.

— Приятно вот так вот поговорить, — Бри открыла дверь и села рядом с отцом. — Когда мамы нет рядом...

Мужчина увёл взгляд и лишь пожал плечами, явно не желая вести откровенный разговор с дочерью, и Бри это поняла. Она усмехнулась и сказала:

— В офисе люди машину тоже оценят!

— Значит, берёшь? — спросил мужчина, и Бри, поджав губы, кивнула, выражая согласие.

— Ну и хорошо, — мистер Россер погасил двигатель, вытащил ключ и отдал Бри, после чего вышел из машины и ушёл обратно в дом.

Оставшись в полном одиночестве, Брианна почувствовала себя неловко.

«Ушёл? Я сказала что-то не так? Не понимаю. Или у него есть лимит на общение с домочадцами? Он и так сказал мне слишком много, точно!» — думала Бри, разглядывая ключи от машины в руках.

Небо было ясное: ни единого облачка. Высокое, яркое, глубокое. Яркое солнце светило и пригревало голую кожу плеч Бри. Её наручные часы продолжали отсчёт времени до отъезда, и Бри решила быстро сбегать в дом, взять свою сумку и вернуться в машину.

Убрав ключи в карман джинсов, она вышла из машины и побежала в дом, по пути закрыв гараж.

Открыв дверь, она поняла, что прервала родителей на разговоре, так как услышала резко оборвавшийся мамин голос.

— Я за сумкой и уезжаю, — крикнула Бри, пробегая мимо гостиной.

Бри пыталась двигаться быстро. Она переживала, что оставила машину вне гаража. А ещё ей совсем не хотелось мешать родителям обсуждать её. Поэтому, кинув сумку на плечо в своей комнате, бегом сбегала вниз по лестнице и в это же мгновение оказалась на улице.

Отцовская машина моментально привлекла интерес. На другой стороне улицы, на тротуаре, в тени дерева стоял мальчик лет десяти, который, теребя в руках игрушечную машинку, с большим интересом разглядывал «Шевроле».

— Привет! — крикнула ему Бри, улыбаясь, но мальчик развернулся и убежал вниз по улице.

«Ладно. Видимо, я его напугала!» — подумала Бри и села в машину.

Мотор зарычал, и девушка почувствовала ту силу, которая пряталась под капотом. И с удивлением для себя заметила, что, несмотря на возраст машины, коробка передач у неё была автоматическая, а руль, пусть и был немного тяжёлым из-за долгого простоя, явно имел гидроусилитель.

«Ничего, сейчас оживёт!» — подумала девушка.

Бри вырулила на улицу, плавно выжала педаль газа и попыталась насладиться поездкой, не думая о том, что отец сейчас очень тревожится за машину, а в офисе её ждёт собеседование, которое было очень важно успешно пройти.

Глава 4. Дорога из страха и надежды

Атланта. Большая, шумная, многоэтажная. Бри была тут несчётное количество раз, ведь окончила Университет Эмори, пусть кампус и находился в пригороде. И сейчас, въезжая на широкие шумные улицы на отцовской машине, она чувствовала себя одновременно на своём месте, но при этом переживала за машину. В таком активном, тесном движении очень просто попасть в аварию. Ко всему прочему она стала замечать заинтересованные взгляды.

Небесно-голубой кабриолет 1973 года в идеальном состоянии невольно стал главной достопримечательностью, и ей невольно стало ещё более тревожно.

Когда она остановилась на светофоре, к машине вдруг подбежал неизвестно откуда взявшийся мужчина и обратился к Бри:

— Я не вижу ни одного ржавого пятна! Где ты её достала?

— Отойди! Это отцовская машина! — перепугавшись, выкрикнула она, жалея, что с собой нет ничего для самообороны.

И стоило только ей тронуться, когда загорелся зелёный свет, она поняла, какой глупостью было не поднять с отцом крышу. Её разглядывали как диковинку, а машине угрожала банальная вероятность угона.

В машине был гидроусилитель и автоматическая коробка передач, но крыша кабриолета поднималась исключительно вручную и с помощью двух людей. Никакого электрического или гидравлического привода не было.

«Какая же я дура! А о чём думал отец? Он банально положился на меня! Или же он настолько потерялся во времени, что даже не знает, как поднялась преступность за последние двадцать лет!» — думала Бри.

Оставлять машину на парковке с открытым верхом было бы сумасшествием, поэтому она очень надеялась, что встретит кого-нибудь, кто сможет ей помочь.

Подъезжая к зданию офиса, она буквально молилась об этом, и, когда увидела Энцо, идущего по тротуару, была готова ударить по тормозам и кричать на всю улицу, лишь бы он её заметил.

— Мать твою, Энцо! — крикнула она, съезжая на обочину и очень стараясь быть аккуратнее. В зеркале заднего вида она видела своё измученное, перекошенное ужасом лицо.

Нельзя было эмоциям взять верх. Спешка и паника никогда не приводят ни к чему хорошему, и Бри очень боялась ударить машину отца.

— Британи? — мужчина растерялся и в первую очередь глянул на «Шевроле», а не на подругу.

— Ты мне очень нужен, садись в машину, — практически приказала Бри, и он, поставленный в тупик, решил, что лучше подчиниться.

Он быстро подошёл к машине, открыл дверь и сел, а Бри вернулась в общий поток машин и направилась в сторону офиса.

— Мне очень нужна твоя помощь, — говорила Бри, даже не глядя на мужчину, — надо будет поднять крышу.

— Куда мы едем, сообщи мне сначала? — спросил Энцо, явно теряя терпение. — Я возвращался в издательство.

— Именно туда мы и едем, у меня же собеседование! — напонила ему Бри, и тот с облегчением выдохнул:

— А, тогда ладно, конечно, я тебе помогу. Только ты так не гони! — он глянул на спидометр. — Я понимаю, что ты очень нервничаешь, но мы везде с тобой успеем.

В этот момент Бри поняла, что она в действительности движется быстрее, чем следовало. Несмотря на тесный общий поток, она двигалась в нём быстрее большинства.

— Ой, — Бри ослабила педаль газа, — ты прав.

Только в этот момент она поняла, в каком напряжении была всё это время. Её руки ныли от силы, с которой она до этого сдавливала руль, разболелась шея.

Снизив скорость и войдя в общую колею, вернув внимание дороге, она с облегчением выдохнула. Она была рада, что рядом оказался Энцо, и хотела рассмеяться из-за своей слабости, которую допустила, когда увидела его.

— Ты меня прости, я не истеричка, — она покачала головой, улыбаясь, — просто я так боюсь за машину. Она не моя. Она отцовская. Если с ней что-то случится, я умру от дикого чувства вины. Я до сих пор не понимаю, как он мне её доверил?!

— Я так и понял, весь твой ужас виден по твоему лицу, — Энцо понимающе кивал головой. — Можешь не переживать, я уже сказал, что помогу тебе.

Вдвоём они заехали на парковку центрального офиса издательства, и Бри с облегчением поставила машину на ручник.

Теперь ей казалось, что всё самое страшное позади. Сейчас они поднимут крышу, она сходит на собеседование, а затем вернётся домой. Ведь путь домой всегда проще и быстрее, словно какая-то странная сила магнитом тянет тебя обратно.

— Привыкла к своему тихому району, — Энцо улыбался, — но ничего, дело времени, и ты втянешься!

— Хочется верить, — так же с улыбкой ответила Бри.

Вдвоём, потратив около пятнадцати минут, так как оба делали это впервые, они всё же подняли крышу. Бри подняла окна, заперла машину и, с чувством выполненного долга, убрала ключи в сумку.

— Теперь тебе спокойнее? — спросил Энцо, и они направились в сторону входа.

— Во много раз, — Бри кивнула.

У офиса не было отдельного здания. Издательство занимало этаж в многоэтажном здании.

Зайдя внутрь, Бри растерялась: она до этого никогда не бывала в подобных местах.

Большой холл, несколько лифтов и ресепшен, но самое главное — здесь было темно. Окон практически не было, а через те, что были, практически не поступал свет. Всё внутри было выполнено из фальшивого чёрного мрамора с зелёными вкраплениями, из-за чего Бри показалось, словно она вошла в чужой склеп.

Людей здесь практически не было: парочка говорила по телефону, а кто-то выяснял что-то у стойки.

— Пойдём, у меня есть пропуск, — и Энцо повёл её к лифтам, — нам на пятнадцатый этаж.

— Хорошо, — Бри последовала за ним.

Лифт приехал быстро; в нём пара человек спускались вниз, поэтому ожидать долго не пришлось. Внутрь они зашли вдвоём — никому больше подниматься не потребовалось, и Энцо нажал серебристую кнопку с нужным этажом.

Двери плавно закрылись, а Бри почувствовала, как плавно внутри неё нарастает тревога из-за собеседования, про которое она забыла из-за страха за машину.

— Рад, что ты меня встретила, — говорил Энцо, — теперь я знаю, как у «Шевроле» поднимается крыша.

— У новых машин уже стоит электрический доводчик, — Бри покачала головой, — но спасибо тебе большое, что помог. Я была уже в отчаянии, когда увидела тебя.

— Не неси это настроение на собеседование, улыбнись, — Энцо чуть толкнул её локтем, — учитывая, как очаровательно ты это делаешь.

— Ну прям очаровашка! — посмеялась над его словами Бри, так как совершенно ему не верила.

— Почему нет? У тебя появляются милые ямочки на щеках, когда ты улыбаешься. Бри опустила взгляд и покачала головой, продолжая улыбаться.

— Ну, как знаешь, — Энцо пожал плечами.

И в этот момент двери раскрылись. Вдвоём они вышли на нужном им этаже.

Здесь было светло. По-настоящему. Панорамные стеклянные окна, которые пугали Бри открывающимся видом с пятнадцатого этажа, заставили её ощутить, как трясутся коленки.

«А я читала однажды в новостях, как мужчина вывалился в одно такое окно и разбился... А там был этаж ниже, седьмой, по-моему», — думала Бри, оглядывая город через окно.

— Тебе туда, — он показал в противоположную сторону, — в HR-отдел.

— Спасибо, Энцо, — ответила Бри и направилась в показанном направлении.

Всё здесь было из стекла: перегородки, стены. Всех сотрудников было отлично видно, и это смущало Бри, поэтому, когда она зашла в отдел по кадрам, для женщины-секретаря это не было сюрпризом: она видела её изначально, когда та вышла из лифта.

— Добрый день, чем я могу вам помочь? — она была чернокожей, в розовой милой блузке. За её спиной была глухая стена.

— Добрый день, меня зовут Британи Россер, я пришла на собеседование, — ответила девушка.

Все ощущения и чувства вдруг куда-то исчезли. Основной идеей было понравиться руководству, поэтому Бри даже не замечала, что пол тут устелен жёстким ворсистым ковром, который шуршал под её кроссовками.

— Хорошо, я передам, подождите пока тут, — и она указала рукой на сиденья у стеклянной стены.

Бри молча кивнула и села.

Она надеялась, что не придётся долго ждать. Сейчас она думала только о том, как сильно хочет, чтобы всё как можно скорее закончилось. Но когда секретарь вернулась в кабинет, она просто заняла своё место, и Бри поняла, что принимать её сиюминутно никто не станет.

Подняв взгляд к часам, она поймала себя на мысли, что прислушивается к тиканью часов. Она считала секунды, которые складывались в минуты, как ей казалось, бесконечного ожидания.

Женщина-секретарь занималась своими делами: она быстро и ловко била по клавишам клавиатуры, потом очень шумно заработал принтер. Она с очень серьёзным видом посмотрела на результат своей работы, распечатала, а затем смяла лист и выбросила его в урну под столом.

«Какая расточительность по отношению к бумаге!» — подумала Бри.

Вдруг раздался стук — то ли в дверь, то ли по деревянной стене, — и секретарь быстро поднялась на ноги.

— Мисс Россер, вас готовы принять!

Бри кивнула и тоже встала, и в это же мгновение открылась соседняя дверь.

Высокий привлекательный мужчина в чёрном костюме пригласил её в соседнюю комнату, и, к большому своему удивлению, она обнаружила, что здесь не прозрачные стены. Они были выкрашены в белый, из-за чего здесь сохранялась характерная освещённость.

Помещение было небольшим. Стол, три стула, один — для неё. Её встречали два молодых мужчины, но с явной профессиональной хваткой. В их движениях и взглядах чувствовалась вежливость, но жёсткость. Бри казалось, что, заходя к ним, она соглашается на игру по их условиям, и, вспоминая слова Энцо, невольно улыбнулась.

«Если улыбка в действительности способна мне помочь, стоит этим воспользоваться!» — подумала она и прошла внутрь.

— Добрый день, меня зовут Британи Россер, — проговорила она.

Оба кивнули, а заговорил тот, что выглядел немного моложе:

— Здравствуйте, мисс Россер. Меня зовут Дженсен Джонс, а это Питер Энистон. Мы ответственны за подбор кадров. Вас нам рекомендовал Энцо Марино: он настаивает, что с вами ему будет очень легко сработаться.

— Я очень надеюсь, что так оно и будет, — Бри продолжала улыбаться, — по крайней мере, в университете нам легко получилось найти общий язык.

Коротким движением руки её пригласили сесть. Было приятно, что решили продолжить разговор сидя. Они — за столом, перед ними бумаги, ручки; Бри — перед ними, под их пристальными тяжёлыми взглядами, словно она оказалась на допросе, а не на собеседовании.

«Если все собеседования выглядят так, то мне не нравится!» — подумала она.

— Вы вместе учились? — возобновил эту тему мистер Джонс.

— Да, он был старостой нашей группы, — Бри кивнула.

Теперь заговорил мистер Энистон:

— Мы сейчас проведём небольшое интервью, чтобы понять уровень ваших знаний и навыков, обсудим возможные условия вашего профессионального роста, а в течение недели мы сообщим вам наше решение. Можем сделать это через Энцо, если вам так будет удобнее.

— Вы можете просто позвонить мне, — Бри покачала головой, продолжая улыбаться.

— Отлично, так в действительности будет удобнее, — согласился с ней мистер Джонс и что-то записал в своих бумагах.

— Расскажите, мисс Россер, где вы учились? — спросил мистер Энистон, а его напарник приготовился записывать.

Бри, чувствуя себя вполне уверенно, ведь была очень довольна своим образованием, ответила:

— Как я уже и говорила, мы с Энцо учились в Университете Эмори, в колледже искусств и наук, на факультете медиаисследований. Закончила университет с безупречными оценками. Ни разу за четыре года у меня не было нареканий по учёбе.

— В каком году вы выпустились? — спросил мистер Джонс.

— В прошлом, — ответила Бри и поняла, какой следующий вопрос будет, поэтому уверенность её стала быстро рассеиваться.

«Им не нужны мои оценки, они хотят знать, насколько я опытна, а я...» — Бри очень сильно хотела опустить голову и увести глаза, но держалась. Смотрела поочерёдно в лица мужчин перед собой и продолжала улыбаться, надеясь, что её ямочки на щеках сделают свою работу.

— Вы работали после завершения университета? — спросил мистер Энистон.

— По профессии — нет, в медиа не работала, но очень надеюсь, что у меня получится реализовать свой потенциал в вашей газете, — ответила Бри и кивнула.

Она плохо понимала, откуда у неё берутся силы что-то говорить, а самое главное — она очень надеялась, что говорит то, что способно ей помочь.

«Разве не это следовало бы сказать? Надеюсь, они поймут, что я настроена очень серьёзно!» — думала Бри.

— На самом деле мы бы не рекомендовали вас на должность, так как у вас нет опыта, — говорил мистер Энистон. — Но мистер Марино настаивает на том, чтобы мы вас приняли. Приятно слышать, что и вы отмечаете, что в нашей компании вы видите своё будущее. Давайте продолжим разговор: информацию о вас мы передадим руководству, и уже они будут принимать решение о вашем найме.

— Хорошо, — Бри кивнула. — Что ещё обо мне вам интересно?

— Вы говорили, что не работали в медиа, а где вы работали этот год? — спросил мистер Джонс, и Бри поняла, что ей необходимо соврать.

Она нигде не работала; весь этот год она читала стихи и пыталась не нарушать спокойную жизнь родителей, но озвучить это она не могла. Но ложь далась ей легко, словно эта «альтернативная реальность» всё это время жила в ней:

— Я подрабатывала в книжном магазине в нашем районе, неофициально. Всё потому, что у меня есть любовь к книгам из-за отца: он занимается их реставрацией, хотя и закончил практику юриста.

— Вы занимались их реализацией? — спросил мистер Джонс.

— Да, — Бри кивнула, — принимала товар, расставляла его по стеллажам, следила за состоянием зала, вела торговлю, несла ответственность за кассу.

Мужчины кивали, слушая её. И Бри понимала, что они верят её маленькой лжи.

— Почему не пошли работать по профессии? — спросил мистер Энистон, и Бри улыбнулась чуть шире, чтобы это звучало как шутка:

— Видите ли, никто не хотел рекомендовать меня на должность, так как у меня нет опыта.

Мужчины улыбнулись ей в ответ. И мистер Джонс продолжил:

— Думаю, если вас в действительности примут на должность, вы сможете с лёгкостью войти в коллектив.

— Я очень хочу, чтобы так оно и было, — искренне ответила Бри.

— Может быть, у вас есть вопрос к нам? — спросил мистер Энистон, и Бри пожала плечами:

— Энцо уже рассказал мне про фронт работ. В принципе, это мне понятно. Я знаю, что, так как у меня нет опыта, зарплата у меня будет небольшая, но я рада, что у меня будет возможность получить опыт работы в таком большом и весомом новостном издательстве. Единственное, хотела бы узнать график работы, работу в выходные и праздничные дни.

— У нас стандартный график работы: пять дней рабочие, два (суббота и воскресенье) — выходные. В праздничные дни, если они выпадают на будни, выбирается дежурный из журналистов, кто будет в издательстве, но этот вопрос решается уже внутри коллектива, — ответил мистер Энистон.

— Компанией устраиваются корпоративы на крупные праздники, например, на Рождество! — вспомнил мистер Джонс. — У нас также бывают поэтические вечера. Сами знаете, журналисты нередко совмещают свою работу с писательством, поэтому примерно раз в месяц мы встречаемся, чтобы послушать стихи наших сотрудников. Вы что-нибудь пишете?

— Иногда, но это всё не всерьёз, — Бри покачала головой, — у меня плохо получается.

— В любом случае, будем рады, если вы разделите наши чтения, — ответил ей мистер Джонс.

— У вас ещё имеются вопросы? — спросил мистер Энистон, глядя на Бри в упор.

— Нет, а у вас? — спросила девушка в ответ, улыбнувшись.

— Думаю, мы с вами обсудили то, что было важно обсудить при очной встрече, — говорил мистер Энистон, — ждите нашего звонка.

— Отлично, буду ждать! — с улыбкой говорила она.

Уйти нужно было, оставив хорошее впечатление — Бри это понимала. Поэтому она сияла глазами и показывала свои ямочки, чтобы они ей в этом помогли.

После того как они записали номер Бри, втроём они поднялись со своих мест и обменялись рукопожатиями. И Бри вдруг задумалась, что, наверное, это о чём-то говорит: никто не жал ей руки, когда она только пришла.

— Вас проводить? — спросил мистер Джонс.

Прежде чем ответить, Бри вдруг задумалась о возрасте мужчины перед ней. Если он и старше, то не более чем на пару лет, и что-то ей подсказало, что это что-то большее, чем желание проявить банальную вежливость.

— Спасибо, но у вас тут сложно потеряться, — ответила Бри, а потом подумала, что, наверное, переборщила с улыбками.

Её отпустили, и она вышла обратно в кабинет секретаря.

— До встречи, — попрощалась она с женщиной и направилась обратно к лифту.

Беспокоить Энцо не хотелось; ко всему прочему, она не знала, где его искать и здесь ли он до сих пор, поэтому, нажав на кнопку вызова лифта, решила отправиться домой и уже вечером позвонить ему.

Она быстро спустилась вниз, так как лифт никто не использовал. А в холле на первом этаже никого не было, только девочки на ресепшене продолжали нести караул.

Когда Бри вышла на улицу, она ощутила долгожданное облегчение. Позвонить ей должны в течение недели, но Бри решила для себя, что не будет ждать звонка.

Ожидание обычно вызывало у Бри большой дискомфорт, поэтому она решила позволить себе плыть по течению. Она сделала всё, что могла, и теперь оставалось только отдохнуть и расслабиться.

Машина стояла на своём месте, и не было никого рядом. Да, выделяющаяся и отличающаяся от большинства, но просто машина, стоящая на парковке среди других.

Пройдя ближе, Бри достала ключи и открыла машину. Она была рада, что они с Энцо подняли крышу: теперь, садясь внутрь, она оказывалась в салоне, где ей ничего не угрожало. В полной безопасности она могла спокойно добраться до дома.

Она бросила сумку на сиденье рядом с собой — там недавно сидел её одноклассник — и завела мотор. Приятная дрожь пробежалась по машине: она словно проснулась и рычала так, будто ей, как и самой Бри, хотелось, чтобы все оставили их в покое и не подходили.

«Ты просто мечта!» — подумала Бри.

Теперь руль был в разы легче, машина казалась послушнее, и Бри предположила, что этому способствовала поездка: разошлось застоявшееся масло в рулевой рейке. Девушка выехала с парковки, в полной мере наслаждаясь автомобилем.

Движение в городе всё ещё было плотным, но машин стало значительно меньше, поэтому чем ближе Бри подъезжала к периферии города, тем пустыннее становились улицы.

И она смогла расслабиться, перестать тревожиться о возможной аварии и спокойно катиться в сторону дома со скоростью сорок миль в час (при разрешённой во всём мире скорости — шестьдесят пять километров в час).

Когда она въехала в родной район, улицы были совершенно пусты. Часы на приборной доске показывали два часа дня. Была вторая половина рабочего дня, поэтому улицы и пустовали. Бри представила, как тяжело ей будет добираться домой вечером вместе со всеми соседями после работы.

Доехав до своего дома, Бри нажала на кнопку брелока, который висел на ключах от машины, и ворота гаража плавно поднялись вверх. Бри въехала внутрь, поставила машину на ручник и заглушила двигатель.

«Всё, я дома!» — подумала Бри и вылезла из салона.

Закрыв гараж, она вошла в дом через внутреннюю дверь и оказалась в коридоре первого этажа напротив дверей гостиной.

— Пап, — позвала она, но пошла к нему сама, а потом вдруг вспомнила, что теперь дома и надо быть тише.

Она зашла в гостиную. Отец сидел за столом с включённой лампой и лупой в руке, медленно, почти медитативно ремонтируя надорванную страницу книги с помощью малярной ленты и пинцета.

Миссис Россер была тут же. Вместе с работницей они сидели на диване и что-то шили: Эния (мать Бри) делала это ради удовольствия, а работница чинила одежду.

— Говори, что хотела, — заговорил мистер Россер.

— Я хотела вернуть ключи, — ответила Бри. — Можешь проверить машину, когда освободишься. Я вернула её в том же состоянии, что и взяла. Единственное — я подняла крышу: испугалась за белый салон. Вдруг начнётся дождь, пока я на собеседовании.

Она решила не рассказывать про истинные причины.

— Одна подняла? — удивился мужчина.

— Нет, Энцо помог, — тут можно было спокойно ответить правду.

— Ладно, оставь ключи, — мужчина продолжил ремонт книги. Бри положила их на стол и направилась к себе.

Как и ожидалось, никто не спросил её, как прошло собеседование, и это на самом деле радовало Бри.

Если вдруг мама всё же поинтересуется, то только потому, что ей захочется услышать, что дочь провалила собеседование, останется с ними, не будет работать, и ей останется лишь удачно выйти замуж, чтобы миссис Россер почувствовала себя по-настоящему счастливой женщиной.

Поднявшись в комнату, Бри закрыла за собой дверь и поспешила переодеться.

Только сейчас она поняла, как устала и проголодалась.

Ей впервые было тяжело в джинсах: они стесняли движения, а Бри очень хотела ощутить приятную свободу тела.

Переодевшись в лёгкую домашнюю одежду, она залезла на свой стол, открыла окно, глубоко вдохнула тёплый весенний воздух и наконец-то начала чувствовать себя комфортно.

Бри помнила, что ей ещё предстоит звонок Энцо, но надеялась, что сможет поговорить с ним без свидетелей.

Телефон стоял на тумбочке в коридоре второго этажа, но провод был достаточно длинным, чтобы она смогла забрать аппарат к себе в комнату и отсюда, за закрытой дверью, позвонить другу. Главное, чтобы в кабинете мистера Россера никто не взял трубку, чтобы подслушать.

Пусть там практически никого не бывает, кроме работницы, которая периодически вытирает пыль, но риск всё же есть. Особенно если миссис Россер узнает, что Бри разговаривает с кем-то по телефону.

«И не с кем-то, а с мужчиной!» — подумала Бри, покачивая указательным пальцем и глядя на белый потолок. Она изображала движение матери — то, которое та делала, когда юной Бри читала нотации о том, как важно быть женщиной, знающей себе цену.

Тесное общение с мужчиной могло быть неправильно расценено — это могло ударить по репутации. Конечно, к современным стандартам общения полов это не имело никакого отношения, но родители Бри, как и их дом, относились к совершенно другой эпохе.

С горечью Бри понимала, что именно по этой причине она до сих пор ни с кем не встречалась. Воспитание родителей в этом вопросе было таким жёстким, что в свои двадцать три года она лишь однажды поцеловалась, а чего-то серьёзного в её жизни никогда не было.

Ей было шестнадцать лет, а ему — семнадцать. Он был её одноклассником, и на школьный бал в конце года они пошли вместе. Бри до сих пор не понимала, как отец это допустил: ведь это был самый опасный возраст — легко было расстаться со своей невинностью, что и сделали большинство её одноклассниц в течение года и к его концу. Но Бри пришла домой, сгораемая от чувства вины, и так и не рассказала ничего родителям: этого поцелуя она не хотела. Парень сделал всё сам — легко коснулся её губ на прощание.

Бри ничего не ответила ему, даже не дала пощёчину, которая казалась ей вполне уместной, а просто убежала домой.

Неизвестно, что подумал её одноклассник, но когда начался следующий учебный год, его в классе уже не было.

«Наверное, он расценил всё совершенно иначе. Наверное, подумал, что отвратительно целуется, и, стыдясь встречи со мной, попросился перевести его в другую школу!» — думала Бри, разглядывая улицу за окном.

Стало грустно. Живот свело от голода, и Бри понадеялась, что в холодильнике найдётся хоть что-нибудь, что она могла бы съесть.

Она просидела на столе около часа, ничего не делая. Шевелиться не хотелось: усталость вдруг показалась ей такой тяжёлой, что тело отказывалось менять положение.

Слезть со стола она решила, только когда услышала, что на первом этаже началась суэта. Стало интересно, что происходит внизу, и она решила спуститься к родителям.

Лениво, медленно она шла вниз по лестнице, потом села на одну из ступенек и поняла, что не может идти дальше. Опустила голову на пилястру, возле которой сидела, и провалилась в свои мысли.

Стресс этого дня отнял у неё слишком много сил. И она не хотела притворяться, будто всё нормально. Она наблюдала за работницей, которая что-то готовила на кухне, пока её мать, словно шеф-повар, контролировала процесс и отдавала распоряжения.

В этот момент она поняла, что отец в гостиной один, поэтому поднялась и прошла к нему.

Она села в кресло, но сидеть не хотелось, поэтому подтянула к себе ноги и легла так, что голова оказалась на мягком подлокотнике.

Будучи в таком положении, она наблюдала, как отец занимается уже другой книгой.

Её отец глянул на неё поверх очков, которые надевал только во время работы, и заговорил:

— Что хотела?

— Ничего, — ответила Бри.

В этот момент она ощутила себя маленькой девочкой, которая очень хотела бы доброго родительского внимания и тепла, но понимала, что ей неоткуда его получить. Лёжа в кресле, она могла лишь наблюдать за родителями на расстоянии.

«Спроси меня хотя бы, как прошло собеседование!» — расстраивалась Бри. — «Неужели я тебе совсем неинтересна?»

Как же больно от мысли, что твои родители — чужие тебе люди. С отцом разговаривать было не о чем, да и просто невозможно: он был немногословен и выбирал язык, на котором Бри не умела разговаривать, — молчание. Её мать, наоборот, говорила много, громко, эмоционально, но только тогда, когда пыталась навязать дочери своё видение мира. Взгляд дочери ей был совершенно неинтересен, потому что, по её мнению, он был неправильным.

Бри лежала так минут десять, пока не затекла шея, затем поднялась и откинулась на спинку кресла, продолжая наблюдать за отцом.

— Ты мне мешаешь, не надо так пристально смотреть, — отец остановился и перевёл на дочь серьёзный взгляд.

— Ладно, — она поднялась из кресла и ушла на кухню.

Работница резала овощи, в духовке что-то запекалось. А миссис Россер, присев на табуретку, тихо рассказывала про удивительное блюдо, которое однажды попробовала в итальянском ресторане.

— Прошу прощения за беспокойство, — заговорила Бри, — но я хотела узнать, когда мы будем есть? Я голодна.

Её мать в это же мгновение оказалась на ногах и сердито взглянула на дочь.

— Надо было нормально завтракать! — строго произнесла она. — Ты решила обойтись только кофе — вот теперь ходи голодная!

— Ужин будет подан примерно через пару часов, — произнесла работница.

Бри, не ответив ни слова, развернулась и направилась к себе.

«Как же с ними сложно!» — подумала она, закрыв за собой дверь.

Будь уже вечер, она воспользовалась бы моментом и позвонила Энцо, но он всё ещё был на работе. Поэтому она легла на кровать, поверх пледа, и попыталась успокоить голод мыслями о высоком — о стихах.

Мистер Джонс во время собеседования упомянул вечерние чтения стихов собственного сочинения, и это воодушевляло Бри. Смогла бы она однажды прочитать что-то своё? Вряд ли, но была бы рада послушать чужие работы и всё равно почувствовать единение: пусть никто не знает, но она, подобно им, пишет стихи. Она — одна из них.

Возможно, откроется новая дверь,

Миллион путей и развитий.

Всё изменится, стану другой теперь...

Бри остановилась, оторвала голову от пледа и подумала:

«Нет, отвратительно! Какая дешёвая рифма: „дверь“ — «теперь». Продолжать не имеет смысла!»

Она положила голову обратно.

Сегодня у неё не было сил даже на хорошие стихи. Иногда бывает так: несмотря на сильную эмоцию, нервная система настолько устаёт, что думать становится сложно, рифма упрощается, а стих получается крайне посредственным. Такое не имеет смысла записывать — только зря переводить бумагу.

До Бри стали доноситься запахи из кухни, и она поняла, что в духовке запекается картофель с курицей. Из-за этого желудок вновь напомнил о голоде, и ей стало сложнее отвлекаться на что-то другое.

Она решила что-нибудь почитать, пока идёт готовка. Снова села у окна, чтобы уличный воздух отрезвлял, и достала детективный роман, который до этого пылился на полке.

За этим занятием два часа пролетели быстро. Часы показывали пять вечера, когда её позвали к столу. Но голод уже уступил место другому чувству: ещё немного, и Энцо будет дома. Предвосхищая разговор с другом, она очень надеялась, что их никто не подслушает.

По этой причине, а также из-за сильного голода, она ела очень быстро.

Миссис Россер всё время бросала на дочь неодобрительные взгляды, но та полностью их игнорировала. В итоге женщина решила вмешаться:

— Ты не дикий зверь, Британи! — говорила она строго. — Ешь медленно.

— Я слишком голодна, — ответила ей дочь, а затем засунула в рот кусок курицы и, практически не жуя, проглотила его.

Миссис Россер была в замешательстве: она совершенно не понимала, почему дочь ведёт себя таким образом, и бросила на мужа вопросительный взгляд. Но тот проигнорировал его, продолжая трапезу.

— Британи... Боже, я не могу это так оставить! Девушка не может так есть! — взмолилась миссис Россер.

Дочь, запив еду водой, ответила:

— Не вопрос, мама. Раз не может...

И она встала из-за стола — её тарелка уже была пустой — и вышла из столовой.

Еда камнем легла на дно желудка, но Бри была рада, что больше не чувствует сводящего с ума голода. Энцо, наверное, уже дома, и она может позвонить ему, пока родители заняты ужином.

Бегом она поднялась на второй этаж, схватила телефон, вошла к себе, закрыла дверь, поставила аппарат на стол и открыла верхний ящик. Там лежала записная книжка с домашними номерами всех её бывших одноклассников; список начинался с Энцо.

«Лишь бы дозвониться! Лишь бы родители ели ещё ближайший час!» — молилась Британи, набирая домашний номер телефона.

Когда она услышала гудки, невольно закрыла глаза, надеясь услышать голос Энцо, но трубку подняла женщина:

— Дом Марино, слушаю.

— Здравствуйте, могу я услышать Энцо? — заговорила Бри.

— Он здесь давно не живёт, — ответила ей женщина.

— Миссис Марино, это его бывшая одногруппница, Британи Россер. Можете дать мне его актуальный номер телефона?

— Бри? Ох, давно я не слышала твой голос, даже не узнала. Да, конечно, записывай.

Через пару минут, попрощавшись с мамой друга и пожелав друг другу всего самого лучшего, Бри набирала актуальный номер и очень надеялась, что сейчас никто не поднимет трубку в кабинете.

Послышались гудки, и сердце Бри забилося так часто, словно она звонила не рассказать о результатах собеседования, а пригласить его на свидание. Всему виной был жуткий страх оказаться подслушанной.

— Энцо Марино, слушаю, — его голос казался уставшим.

— Энцо! — радостно, с детским восторгом воскликнула Бри, надеясь, что её не услышали на первом этаже. — Привет!

— Британи? — удивился мужчина. — Я же не давал тебе свой номер.

— Я узнала его у твоей мамы, — призналась Бри, чувствуя лёгкое смущение.

Мужчина на том конце провода засмеялся, а потом произнёс:

— Ты молодец! Сразу вижу в тебе отличного журналиста: всё разузнала!

— Об этом я и хотела поговорить. Мне кажется, собеседование прошло успешно! — говорила Британи.

— Успешно? — Энцо не поверил ушам. — Оно прошло потрясающе. Дженсен подошёл ко мне после и сказал, что ты произвела неизгладимое впечатление. Теперь они думают, как объяснить руководству, что ты действительно подходящий кандидат.

— Ты сейчас серьёзно? — Бри была поражена.

— Да, конечно! Ты молодец, что улыбалась: они отметили твою жизнерадостность! — мужчина был явно воодушевлён. — Так что жди звонка — скажут, когда выходить.

— Мне прямо не верится... — Бри улыбнулась и впервые села на стул: стоять не было сил, а стул оказался ближе всего.

— А я знал, что ты им понравишься! — настаивал Энцо. — Именно поэтому я и поехал к тебе сразу, как только стало известно, что они намерены брать нового человека. Я не мог упустить такого профессионала, как ты!

— Меня сложно назвать профессионалом: я ни дня не проработала по профессии, — Бри покачала головой, словно он мог её видеть.

— Ничего, по ходу дела ты поймёшь, что ты на своём месте! — говорил Энцо.

— Спасибо тебе за такую поддержку, — ответила ему Бри. — Ты единственный, кто...

Но он вдруг её перебил:

— Британи, ты меня прости. Рад был услышать твой голос и узнать, что ты в порядке, но я очень сильно устал. Хочу скорее поесть и лечь отдыхать. Давай поговорим как-нибудь в другой раз.

— Да, конечно, — Бри не обижалась. — Хорошего вечера!

— Спасибо, и тебе! Пока.

И он положил трубку.

Бри не обижалась, но расстроилась, что не смогла в полной мере пообщаться с единственным человеком, который разделяет её переживания и помог ей со всеми сегодняшними трудностями.

Положив трубку, она решила вернуть телефон на место.

Выйдя в коридор, она перевесилась через перила и убедилась, что оба родителя в столовой. Уже хотела уйти к тумбочке, как её взгляд встретился со взглядом работницы, которая в этот момент выходила из кабинета и закрывала за собой дверь.

«Точно. Мама не пошла сама слушать наш разговор! Она отправила её...» — подумала Бри и почувствовала, как сильно ей хочется сбежать вниз по лестнице и устроить настоящий скандал. Возможно, если эмоции ослепят её, треснуть мать этим телефоном. Но она лишь тяжело вздохнула и ушла.

Её разговор не остался личным. Теперь работница расскажет всё матери, та — отцу. И снова это жестокое клеймо «неправильной» дочери.

«Говорила ли я что-то, из-за чего меня можно было бы осудить вдвойне?» — подумала Бри и поставила телефон на место.

Сил больше не было. То хорошее настроение, которое появилось во время разговора с Энцо, испарилось, и она ушла к себе полностью опустошённой.

Глава 5. Тихий голос в вспышках света

Выходить из своей комнаты не хотелось. Не чувствуя ничего, кроме разочарования в домочадцах, она легла на кровать и подумала, что сейчас было бы лучше уснуть, но было ещё рано.

«Зачем слушать мои разговоры? Что она хочет там узнать? Что я проститутка? Или втайне вышла замуж за преступника? Или я занимаюсь наркоторговлей? Что я... Да что я?! Почему мама просто не может поверить и принять, что я обычная, среднестатистическая девушка и нет смысла так унижать меня!» — мысленно ругалась Бри.

«Или вышла замуж за священника?!» — Бри вдруг усмехнулась, так как вспомнила разговор с матерью, который состоялся, когда к ним в школу пришёл новый мальчик — сын протестантского священника.

Бри тогда было около пятнадцати, и миссис Россер решила объяснить дочери, чтобы та остерегалась священников и никогда не связывала с ними свою жизнь.

Точных и ясных причин, почему Бри должна поступать именно так, миссис Россер не назвала. Сказала лишь:

«Тогда уж лучше в монастырь сразу иди!»

На этом разговор был окончен.

Так и не поняв причины такого отношения матери, она лежала на кровати и смотрела в белый потолок, по которому плавно ползла тень — смеркалось.

В комнате темнело, но Бри не шевелилась. Раскинув руки в разные стороны, она бездумно наблюдала за наступлением ночи, пока тень не дотянулась до дальнего угла.

Бри рывком поднялась и потянулась к прикроватной тумбочке, включая лампу, — и тень в ту же секунду сбежала. Комнату осветил приятный, мягкий жёлтый свет.

Через открытое окно в комнату поступал прохладный воздух. Дневная жара отступала, но воздух, несмотря на это, оставался тяжёлым. Ощущалась неприятная влажность.

Бри решила подняться. Она прошла к окну и глянула в небо. Большинство звёзд не было видно, и Бри поняла, что над районом сгущаются тяжёлые тучи.

Где-то далеко, на горизонте, ударила молния, и через несколько секунд до Бри донёсся приглушённый гром.

Не закрыв окно, девушка вернулась к кровати и легла на неё. Спать не хотелось, заняться было нечем. От духоты становилось плохо, несильно разболелась голова, но Бри так и лежала. Она слушала раскаты грома где-то вдалеке и тонула в странном потоке обрывчатых мыслей о машине, отце, работе, матери и Энцо.

Ей понадобилось ещё минут пятнадцать, чтобы понять, что головная боль нарастает, а в комнате становится по-настоящему душно. И стоило ей задуматься о том, что гром затих, как вдруг гроза ударила совсем близко — и комнату озарила вспышка, словно кто-то сфотографировал Бри. Раздался сокрушительный раскатистый гром.

Бри сначала подумала, что ей померещился странный шелестящий звук, доносившийся из открытого окна, но, когда она приподняла голову, поняла, что не ошибается.

Начался дождь. И это была не лёгкая морось. На Атланту обрушился тропический ливень. Вода лила стенами, крупные капли били по листве деревьев, не прекращая.

Бри встала с кровати и прошла к окну. Вся рама была уже полностью мокрой, и Бри опустила створку, чтобы дождь не мочил стол и не собирался в лужу под стеной.

— Дождь, какой ужас... — вслух подумала Бри.

Она категорически не любила пасмурную и дождливую погоду. Избалованная жаркой погодой Джорджии, Бри обожала ясные, безоблачные дни, когда на солнце её волосы выгорали и становились золотисто-блондинистыми. В ожидании таких дней ей приходилось мириться с

дождями и грозами. Радовало то, что обычно они быстро заканчивались, оставляя после себя влажную землю и тяжёлый душный воздух.

Глянув на часы, Бри поняла, что все в доме уже спят. Было поздно.

Несмотря на то что ещё совсем недавно она не хотела выходить из комнаты, она решила спуститься вниз. Духота была такой невыносимой, что Бри начала испытывать сильную жажду. Ко всему прочему, очень сильно хотелось умыться холодной водой — смыть с себя все мысли и тревоги.

Раскрыв дверь, она выглянула в коридор. Было темно. Не было ни одного источника света, и Бри убедилась в своём предположении: все уже отдыхали.

Закрыв за собой дверь, она вышла из спальни и направилась в сторону ванной комнаты. Она пыталась быть незаметной, ступала медленно и аккуратно, чтобы пол невзначай не закрипел.

Где-то вдали раздался гром, но Бри включила свет, вошла в ванную и закрыла за собой дверь.

Холодный пол заставил Бри поёжиться, но она прошла к раковине и включила воду.

Умывшись, Бри глянула на своё отражение в зеркале. Она выглядела измученной и уставшей. Стресс и погода сказывались на её состоянии. И, надеясь, что вода поможет, Бри наклонилась к раковине и ещё раз ополоснула лицо, протёрла шею и смочила волосы.

Оказавшись в коридоре, Бри включила свет, закрыла дверь и направилась к лестнице, чтобы спуститься на кухню. По лестнице она шла очень медленно — всё как обычно, если ночью она была не в постели. Нужно было вести себя тихо, чтобы не разбудить родителей и не вызвать их неодобрение, а может быть, даже гнев. Но этой ночью скрип пола периодически заглушала гроза.

Оказавшись внизу, Бри расслабилась. Здесь она точно никого бы не встретила. Поэтому, тихо шлёпая босыми ногами по полу, она прошла на кухню.

Не желая включать свет, она на ощупь нашла на кухонном столе стакан и графин с водой. Пользуясь методом слепых, с помощью тактильных ощущений, Бри налила себе пить и отставила графин.

— Мисс Бри, — услышала она и невольно обернулась.

Смуглую работницу дома в темноте было практически не видно. Блеснул только белок глаз, словно она встретила в сумерках с кошкой.

— Слушаю, — откликнулась девушка.

— Не обижайтесь на меня, — заговорила работница тихим, сдавленным голосом. — Ваша мать сразу почуяла неладное. Она сказала мне пройти в кабинет и поднять трубку, а если вы разговариваете с кем-то — послушать и запомнить. Я подчинилась, направилась в кабинет вашего отца...

Ударил молния. Бри ослепило, и она невольно опустила голову, зажмурив глаза. Затем раздался гром. Он был таким громким, словно гроза ударила по крыше.

— Мне это неинтересно, — заговорила Бри, пока работница решалась, продолжать ли свой рассказ.

— Нет, я хочу, чтобы вы знали, — говорила женщина. — Я не поднимала трубку, я не знаю, с кем вы разговаривали и о чём. Я даже не знала, в действительности ли вы кому-то позвонили, но когда я выходила из кабинета вашего отца, я увидела вас с телефонным аппаратом в руках...

— И что вы сказали моей матери? — Бри не понимала.

— Что вы никому не звонили, — ответила работница, и вновь ударила гроза.

Яркий свет ослепил глаза, раздался раскатистый гром. Ветер прибил к кухонному окну крупные капли дождя.

— Почему вы соврали? — Бри качнула головой.

— Я не хотела, чтобы она знала больше, чем должна, — работница продолжала говорить тихо и покачала головой. — Если вы захотите, вы сами ей всё расскажете.

Бри молчала. Она плохо понимала, что на это следует ответить.

— Спасибо, — неуверенно произнесла она.

— Рада быть полезной, — ответила работница и направилась в сторону выхода из кухни.

Снова ударила молния, и Бри закрыла лицо рукой, защищая глаза. Словно кто-то гнал коней по небу — раздался оглушительный гром.

Не желая больше оставаться на кухне, Бри выпила налитую себе воду и направилась на второй этаж.

Оказавшись у себя, Бри посмотрела на улицу через окно.

Погода не утихала. Напротив, казалось, гроза набирает обороты. Дождь был такой силы, что дорога превратилась в реку. Вода в ней пузырилась и пенилась.

Ударила молния, и Бри увидела её чёткое очертание. Небо словно треснуло, высвобождая огромное количество света.

«Гроза... Одновременно пугающее, но при этом потрясающее явление природы!» — думала Бри, разглядывая улицу.

Она села на стол, откинувшись спиной на стену, и смотрела в окно. Открывать его она не осмеливалась. Периодически порывы ветра обрушивали на стекло крупные капли дождя.

Глянув на часы, которые стояли рядом, Бри с горечью тяжело вздохнула.

«Ещё одна ночь без сна!» — подумала она.

Она понимала, что скоро от таких ночей придётся отказаться. Как только она выйдет на работу, цена ночного сна станет очень высокой.

Опустив руки вдоль туловища и свесив ноги со стола, Бри продолжила смотреть в окно, чувствуя, как внутри неё разливается покой.

Только сейчас до неё дошёл смысл слов, сказанных работницей: «Мой разговор с Энцо всё же остался личным... Но можно ли доверять ей? Может быть, она мне соврала. Но зачем? Думаю, учитывая, в какой обстановке состоялся разговор, она ждала меня на кухне, ждала, чтобы поговорить. И как долго она там сидела? А если бы я не спустилась? Может быть, она не ждала меня. Может быть, мучилась от угрызений совести, потому что обманула мою мать. Сидела там, потому что из-за чувства вины к ней не шёл сон. Может быть... Но я не знаю, насколько она совестливая. Но этот разговор был очень странным!»

Подумав об этом, Бри заметила, что перестали бить молнии. Всё ещё шёл дождь, но он стал спокойнее.

«Пусть так, завтрашний день всё расставит по своим местам!» — подумала Бри и слезла со стола.

Бросив последний взгляд в окно, она прошла к кровати.

Это следствие дождя или нет, Бри не знала, но захотелось спать. Голова потяжелела от усталости, а тело показалось ослабшим. Ноги требовали отдыха, руки не хотели подчиняться. Но Бри расстелила постель и, не переодевшись в пижаму, легла под одеяло.

Кровать оказалась очень уютной, мягкой. Она приняла Бри ласково, обняв её, словно любящая мать, непередаваемым словами чувством покоя. И Бри уснула.

Проснувшись утром, Бри не поняла, какое время суток за окном: раннее утро или же середина дня. Всё потому, что за окном сохранялась пасмурная погода и шёл тихий дождь, чуть сильнее мороси. Небо было низким и тяжёлым, мягкого серого цвета с тёплым подтоном. Где-то выше облаков светило солнце.

Часы рассеяли все сомнения: было семь часов утра.

Было ощущение, словно началась осень. Об обратном говорила только температура воздуха, намекавшая, что совсем скоро начнётся летняя жара.

Поднявшись из постели, Бри зевнула и посмотрела на кровать ленивым взглядом. Застилать её не хотелось, и Бри решила сделать это позже.

Почему-то сейчас хотелось спуститься вниз и показаться перед родителями, и желательно именно в таком виде: лохматой, в мягкой домашней одежде, в которой она спала, вместо специальной одежды для сна.

Поведение Бри этой ночью полностью противоречило воспитанию миссис Россер, и Бри понимала, что небольшая провокация заставит маму волноваться, и та может ненароком проговориться — сказать про Энцо, если она что-то знает.

«Узнаю, что знает мама и соврала ли мне работница», — подумала Бри, хитро улыбнувшись, но в это же мгновение решила отказаться от такой потрясающей идеи: «Не стоит. Во-первых, это может спровоцировать прямой конфликт с мамой, и это неправильно. Во-вторых, могу показать работнице, что я ей не поверила, и могу ранить её, если она на самом деле была со мной откровенна. Так нельзя».

Тяжело вздохнув, Бри прошла обратно к кровати и стала застилать постель. Несмотря на всё, было необходимо поддерживать в доме доброе настроение.

Переодевшись в другое, Бри направилась в ванную комнату. Было необходимо умыться, расчесаться и оставить вещи на стирку. И делала всё Бри медленно, никуда не спеша. Малое количество сна и мрачная погода не давали Бри в полной мере проснуться.

На втором этаже было тихо. Её родители завтракали. Бри слышала тихий звон посуды и улавливала запах свежесваренного кофе и тёплого хлеба.

Желудок свело от голода, по языку растёкся вкус сливочного масла — злая шутка мозга, подталкивающая Бри думать только о еде.

Закончив все свои дела, Бри вышла из ванной комнаты, погасила свет и направилась вниз по лестнице.

Встречаться с работницей не хотелось. Бри была всё ещё в смешанных чувствах, но решила делать вид, словно ничего не произошло.

Войдя на кухню, она осмотрелась. Здесь никого не было, в столовой за столом сидели её родители.

— Доброе утро! — подала голос Бри.

— Доброе, — ответила ей мать.

Достав чашку, Бри решила, что сделает себе завтрак самостоятельно. Это поможет ни с кем не контактировать.

В заварном чайнике оставался кофе. Она перелила его в чашку, добавила сливок, а два кусочка хлеба засунула в тостер, доставая из холодильника сливочное масло.

«Самостоятельность — это так приятно!» — подумала Бри и улыбнулась самой себе.

— Приятного аппетита, — в кухне показалась мать.

Она бросила на дочь короткий, но хлёсткий и словно обесценивающий взгляд. Бри невольно опустила голову и осмотрела свою одежду, но ничего не сказала.

За миссис Россер из столовой вышел и её муж, но тот вертел в руках газету, и ему было не до дочери. Вдвоём они направились в гостиную.

«Ну и ладно!» — подумала Бри и поправила свою рубашку поло.

В этот же момент щёлкнул тостер — хлеб был готов.

Работница ещё не появилась, поэтому в столовой осталась грязная посуда после завтрака.

Игнорируя это, Бри продолжила готовку своего завтрака. Намазав масло на хлеб, она положила тосты на тарелку и вместе с чашкой поставила её на поднос. Взяв его в руки, Бри ушла в столовую.

Она разместилась на противоположной стороне стола и приступила к еде.

Стоило ей откусить кусочек от тоста и сделать глоток кофе, как в дверях появилась работница.

Горло сжалось. Бри была не готова к такой скорой встрече.

Опустив голову, она попыталась не подавиться, поспешно пережёвывая и сглатывая хлеб. При этом поднимать взгляд на работницу Бри не хотела. Не могла, ведь визуальный контакт обязывал хотя бы поздороваться.

— Доброе утро, мисс Бри, — заговорила женщина, протирая стол и убирая посуду после мистера и миссис Россер.

Голос её звучал обычно. Сама она словно не помнила ночного разговора или же умело лучше Бри скрывала свои эмоции.

Поспешно сглотнув и поднимая взгляд, Бри ответила:

— Доброе, Гульшан, — вдруг она почувствовала, как её бросило в жар.

Имя их работницы не было табуированной темой. По крайней мере, установленного правила об этом в доме не было, но женщину никогда не называли по имени. Даже поручения ей давали, обращаясь к ней в третьем лице — обычно так делала миссис Россер. И сейчас, не давая себе отчёта, Бри произнесла её имя.

Думая об этом, Бри пришла к выводу, что все правила в доме устанавливаются и исполняются исключительно интуитивно.

Работница сделала вид, словно ничего необычного она не услышала. Собрав посуду, она ушла на кухню.

«Что-то я совсем потеряла контроль над собой!» — Бри покачала головой, опуская взгляд. — «Хорошо, что мама не слышала...»

Сглотнув ком в горле, Бри решила не думать об этом. Случившееся она не исправит, теперь остаётся только лучше контролировать себя в будущем, а работница проявила лучшее своё качество — удивительное терпение и самоконтроль.

Бри сделала глоток кофе и продолжила завтрак.

В голове было много разных мыслей, в том числе желание всё же поговорить с матерью, но как это сделать так, чтобы не разгорелся конфликт, Бри не знала. Мысли о матери были противоречивыми, но она надеялась, что работница ей не солгала, тогда миссис Россер ничего не знает, а попытка что-то выяснить, наоборот, грозит полным раскрытием.

«Я как партизан в собственном доме!» — подумала Бри и хмыкнула. Почему-то эта мысль её забавляла.

Закончив утреннюю трапезу, Бри сама отнесла посуду на кухню.

Работница в этот момент чистила в раковине картофель.

— Простите, — проговорила Бри, понимая, что вынуждена оставить грязную посуду.

— Ничего страшного, мисс, — ответила ей женщина.

Поставив поднос, Бри поджала губы. Она всё ещё плохо понимала, как правильно было бы себя вести и стоит ли идти к родителям в гостиную.

Её мучила неопределённость, и она поставила себе ультиматум: «Либо я сейчас, в течение двух минут, определюсь с тем, как буду разговаривать с мамой, и сделаю это прямо сейчас, либо я поднимаюсь наверх и больше никогда не возвращаюсь к этой теме ни действиями, ни мыслями!»

Никаких идей в голову в ответ на такую манипуляцию не пришло, и Бри, тяжело вздохнув, вышла из комнаты и направилась вверх по лестнице.

Никто её не звал, разговаривать с ней никто не хотел, и уже это говорило больше, чем откровенный разговор.

«Моя мама не из тех женщин, кто способен молчать. Если бы она знала, что я общалась вчера с Энцо, она бы уже требовала меня к себе, чтобы обсудить это!» — думала Бри, преодолевая ступени. — «И её тот взгляд, когда она вышла из столовой... Она, наверное, догадывается, что работница ей солгала, думает, что мы в сговоре! Это похоже на правду. Ведь она так

посмотрела на меня, словно думает, как вывести меня на чистую воду! Точно. Так что мне действительно лучше не подавать виду!»

Оказавшись на втором этаже, Бри потёрла шею. В последнее время голова была полна огромным количеством мыслей, и ей это не нравилось. Покой в доме сохранялся только показательный, внутри же у всех (как думала Бри) был свой ураган.

Зайдя к себе, первое, что увидела Бри, — серое небо. Окно было прямо напротив входа, и было видно, что дождь наконец-то прекратился.

В комнате было мрачно, и Бри включила свет. Лампочка светила таким же приятным жёлтым, как солнце, и это немного поднимало настроение, пусть и резало глаза на контрасте с холодным уличным светом.

Будучи в своей комнате, Бри решила открыть окно. Она хотела прохлады, и стоило поднять ей створку, как комната заполнилась свежестью.

Духота спала. И Бри предположила, что дождь был не по-весеннему холодным, а солнце из-за пасмурной погоды не могло прогреть воздух.

Запах цветения не было. Дождь сбил лепестки, смыл всю пыльцу. Соседская сирень наклонилась, опуская мокрые, порванные ветром кисти цветов. Соседский бассейн был полон мусора: листья и ветки. Мужчина с сачком в руках вылавливал их и клал в пакет, который тащил за собой по голубой кафельной плитке.

«Ещё вчера они плескались в нём, была жара и чистое небо, а сегодня уже холодно, и он чистит бассейн после дождя», — думала Бри.

Сидеть на столе у открытого окна было слишком холодно. Взяв детектив, который она начала недавно читать, она села на кровать в позе лотоса и стала искать место, где остановилась.

Книга была не самая интересная, но раз она оказалась на полке Бри, значит, та почему-то решила её в своё время купить.

На самом деле большое количество книг в собственности Бри появилось ещё во время студенческой жизни. Она жила в кампусе и нередко оказывалась в спальнях других студенток. К кому-то приходила в гости пообщаться, к кому-то — из-за совместного проекта, и, если замечала какие-то интересные книги, то забирала их. Иногда с разрешения, иногда, если книга сама под руку подвернулась. Бывало, просто просила почитать, а потом из-за разных обстоятельств не возвращала. И Бри не видела в этом ничего плохого: все книги в её личной библиотеке оказывались прочитанными, а у сокурсниц они стояли в пыли, ни разу не открытыми.

«Разве книги пишут для этого? Ради того, чтобы они стояли на полках? Нет, их пишут для читателя, внимательного и вдумчивого!» — говорила себе Бри.

Все книги она прочла с карандашом: подчёркивала интересные выражения, делала пометки на полях. Её отец никогда не делал ей замечаний по этому поводу, но сам совершенно иначе относился к книгам. В его случае книги должны оставаться нетронутыми, а жёсткое отношение к корешку — когда для того, чтобы книга не закрывалась, её выгибают в обратную сторону, — мистера Россера могло по-настоящему ранить.

Но этот детектив не был качественным литературным произведением. Беллетристика, лёгкое чтение для хорошего досуга, поэтому в этот раз карандаш Бри не понадобился.

Вдыхая прохладный уличный воздух, она погрузилась в чтение.

Через некоторое время на улице начала просыпаться жизнь. Раздался чей-то громкий голос, защебетали птицы, и Бри невольно оторвалась от книги.

Выглядывая в окно, она надеялась увидеть солнце, но, к сожалению, небо оставалось пасмурным. Стайка воробьёв оккупировала низкорослое дерево, и Бри понадеялась, что это знак и скоро появится солнце.

Резко стало тише, лишь периодически разносился голос той или другой птицы. Бри уже не обращала на это внимания, продолжая читать книгу, как вдруг длинный солнечный луч упал через окно ей на кровать.

Бри невольно подняла голову и выглянула в окно.

Всё ещё было пасмурно, но где-то облака были тоньше, и солнечному свету удавалось пробиться.

«Ещё чуть-чуть, и ветер разгонит облака!» — подумала Бри.

В этот момент раздался звон домашнего телефона. Аппарат был за стеной, в коридоре, и Бри хорошо его слышала.

Странная паника вдруг захлестнула Бри.

«Вдруг это с работы?!» — подумала она.

Оставив книгу на кровати, она вскочила на ноги и выбежала в коридор. Телефон продолжал звонить, и Бри рывком подняла трубку:

— Алло! Ох, точнее... Дом Россер, слушаю.

— Здравствуйте, я могу услышать Бри? — это явно был голос Энцо.

— Ты именно с ней и разговариваешь, — она усмехнулась, — привет!

— Привет, Бри! — голос Энцо перестал быть серьёзным. — Звоню с новостями!

— Так радуй меня скорее, — говорила Бри, улыбаясь.

— Твою кандидатуру одобрили! — Энцо звучал так живо, словно он признавался, что выиграл миллион. — Так что жду тебя в понедельник с полным пакетом документов к восьми утра. Оформим тебя, и сразу приступишь к работе! Буду вводить тебя в курс дела.

— В понедельник? — Бри поморщилась.

В связи с тем, что она не работала, она совершенно не следила за днями недели и честно не могла сказать, какой день был сегодня.

— Ты хочешь быстрее выйти на работу? — Энцо явно не ожидал такой реакции. — Просто я думаю, бессмысленно выходить на работу в конце недели...

Не ответив, Бри взяла аппарат в руки, сделала три шага назад и поравнялась с дверью в свою комнату.

Электронные часы на её столе показывали не только время:

«Температура — 80 °F/27 °C

Влажность — 60 %

Дата — 1994.05.29

День недели — четверг»

— Ну да, ты прав, — ответила Бри, — я как-то не подумала, что завтра пятница... Тогда я буду в понедельник, как ты и сказал.

Энцо в ответ ликовал:

— Отлично! Встретимся у центрального входа! Я буду везде тебя сопровождать, как твой наставник.

— Мне повезло с наставником, — искренне ответила Бри.

— Конечно, лучше меня в этом деле никого нет! Я определённо хорош! — после этих слов Энцо засмеялся.

— Что ж, тогда до понедельника, — Бри вернулась к тумбочке в коридоре и поставила на неё телефон.

— До понедельника! Пока! — ответил Энцо.

— Пока, — и Бри повесила трубку.

Теперь она понимала, что разговор с матерью неизбежен. Она не просто разговаривала с мужчиной по телефону, а делала это открыто. Прижав трубку к уху, улыбалась и совсем забыла про скромность.

Развернувшись и закрыв дверь в свою комнату, она направилась вниз по лестнице. Не скрывая своего присутствия, скрипя половицами и двигаясь отрывисто, она прошла через коридор первого этажа и зашла в гостиную.

Миссис Россер сидела на диване с видом, словно на её глазах сейчас кто-то отдал душу Богу. Она не шевелилась, замерла и уставилась пустым, но тяжёлым взглядом в одну точку. Бри невольно вспомнила фотографии солдат из учебников по истории. Что-то было в этом взгляде, что говорило об оторванности сознания от реальности. Свои руки она держала на коленях, и казалось, что она не дышит.

Мистер Россер же занимался тем, что перебирал книги в шкафу. Расставлял их по местам, некоторые доставал и откладывал в сторону, явно планируя провести их ремонт. Выглядел он задумчивым, но точно не из-за того, что происходило вокруг. Он был слишком сильно увлечён своими мыслями.

— Энцо звонил, — подала голос Бри. — С понедельника я выхожу на работу. Пап, мне понадобится машина. Я думаю, теперь она будет мне нужна на постоянной основе.

Мистер Россер обернулся к дочери и глянул на неё поверх своих очков:

— Хорошо, ключи в вазе в прихожей. И сразу договоримся: приезжаешь домой — возвращаешь ключи на место.

После этого он вернул всё своё внимание шкафу.

— Договорились, — ответила его спине Бри, а потом перевела взгляд на его жену: — Мам?

Та дрогнула, и из её глаз потекли слёзы. Она поспешно стала их вытирать, словно только что очнулась после неясного сна, но на дочь взгляд не поднимала.

— Мам? — повторила Бри, и женщина всё же глянула на неё.

— Уйди, — холодно произнесла она.

Бри пожала плечами в ответ и вышла из гостиной.

«Главное, отец разрешил мне брать машину. По сути, отдал мне её в пользование! А мама... А мама — это мама!» — Бри хмыкнула и направилась вверх по лестнице.

Понимая, что матери необходимо принять данность и успокоиться, Бри решила уйти к себе и не появляться на глаза родителям до ужина. Медленно и тихо поднявшись на второй этаж, она ушла к себе, тихо щёлкнув язычком дверного замка.

Не обращая внимания на вид за окном, Бри села на кровать и взяла в руки оставленную книгу, решив, что стоит продолжать чтение.

Глава 6. Солнечный свет мечтаний

После часа дня жара стала возвращаться. Облака разошлись и плавно поплыли на запад, гонимые ветром с океана.

Солнце поспешило прогреть воздух и иссушить землю, из-за чего росло неприятное удушьящее тепло.

Воздух был тяжёлым, липким. Лоб Бри взмок, капля пота побежала вниз по спине, и ей было искренне жаль, что в доме нет ни одного вентилятора.

Отложив книгу, она встала с кровати, выдвинула ящик платяного шкафа и достала деревянный веер. Это единственное, чем она могла помочь себе пережить жару.

Сев на край кровати, Бри решила пока к книге не возвращаться. Обмахиваясь веером, она пыталась ровно дышать, чтобы победить накатившее тяжёлое чувство.

«Ох уж эти наши... тропические дожди!» — и Бри тихо посмеялась.

Веер помогал. Дышать стало проще.

Пододвинувшись к стене, Бри решила отставить чтение. Жара сводила её с ума, она не могла думать.

Подняв взгляд, она бросила его на часы на столе. Влажность была 78 %, а температура — совсем не высокой. Всего лишь 75 °F (24 °C).

«Вот почему так душно... Испаряется влага после дождя!» — подумала Бри, откинула голову назад, продолжая работать веером. — «Какой ужас! Скорее бы просохла земля...»

Прижавшись мокрой спиной к прохладной стене, Бри почувствовала облегчение. Приятное, покалывающее кожу ощущение пробежалось от затылка к лопаткам, но дышать всё ещё было тяжело. С каждым вдохом не становилось легче — наоборот, странное давящее чувство спирало грудь. Воздуха казалось мало. Он был плотным, тяжёлым, текучим и горячим. Тело кричало, требовало прохлады.

Закрыв веер и отложив его, Бри поднялась на ноги. Она вышла из комнаты и прислушалась к тому, что происходило внизу.

Из гостиной не было слышно ни звука.

«Отец клеит книги, мама шьёт», — сделала вывод Бри и направилась к ванной комнате.

Хотелось умыться холодной водой.

Пока что у неё была такая возможность. В начале июня земля не так прогрета, и вода в трубах ещё холодная. Но к середине лета Бри лишится даже такой возможности охладиться — из крана будет течь тёплая вода.

Радуюсь тому, что вода в кране такая холодная, что сводит пальцы, Бри щедро ополоснула ей лицо. По привычному ритуалу она обмыла шею и плечи. Запрокинув голову, она глубоко вдохнула через рот.

Приятная прохлада опустилась на Бри. Дышать было легче, лёгкость потеснила усталость от жары.

Закрыв кран, Бри подняла взгляд на своё отражение. Но смотрела на себя она будто безучастно. Замерла у раковины и провалилась в свои мысли обо всём и ни о чём.

Раздался скрип лестницы, и Бри невольно вздрогнула и обернулась. Дверь в ванную она не закрывала, и ей было прекрасно видно коридор.

— Ну и духота! — миссис Россер шла с веером в руках. — Мне срочно нужно прилечь...

Уставшая от погоды женщина словно разговаривала сама с собой. Дочь она не заметила. Она прошла мимо, открыла дверь в спальню и исчезла из поля зрения Бри.

«Мне бы тоже», — подумала девушка и вышла из ванной комнаты, выключая за собой свет.

Вернувшись к себе, Бри всё же вспомнила про детектив. Сев у стены, она взяла книгу и решила вернуться к чтению. Так терпеть ужасную жару было проще. Рядом на кровати лежал веер.

Обедать Бри отказалась. В этой невозможной духоте совершенно отсутствовал аппетит. Ни капли голода, только сводящая с ума жажда, которую никак не получалось утолить. Вся вода, выпитая Бри, выпадала потом. Капельки влаги на лбу, над верхней губой, на спине не помогали ей остыть, а только добавляли дискомфорта.

Раз в час Бри ходила умываться холодной водой. Только это немного помогало.

«Пусть в мой первый рабочий день не будет такой духоты! Я же совершенно не смогу думать!» — Бри с ненавистью бросила взгляд на часы, которые показывали высокую влажность.

Когда её позвали на ужин, уже собирался закат. Температура стала падать, но воздух не становился легче.

Спустившись вниз, Бри быстро поняла, что погода мучает не только её одну.

Отец сидел без лица: жара не давала ему выглядеть джентльменом из прошлого столетия. Он расстегнул верхние пуговицы рубашки, засучил её рукава, а его дыхание было отрывистым и сбитым.

Его жена, сидевшая рядом, оделась проще, чем обычно. Вновь это было старомодное платье, но из тонкой светлой ткани, с короткими рукавами и без тяжёлых украшений. В руке она с силой сжимала веер, которым отгоняла от себя дурноту.

Разговаривать никто не хотел. Неприятная усталость от жары не давала мыслить ясно. Поэтому, когда Бри села за стол, не обмениваясь любезностями, семейство приступило к трапезе.

— Как долго будет сохраняться такая ужасная погода? — спросила всё же миссис Россер, и её супруг поспешил ответить:

— В новостях по радио сказали, что высокая влажность будет сохраняться и завтра.

Жена ничего ему не ответила. Ужин продолжился в тишине.

«Вот бы иметь вентилятор! Так было бы проще...» — думала Бри, но, словно прочитав её мысли, заговорил мистер Россер:

— Какая сейчас, должно быть, нагрузка на энергосети. Все спешат сейчас включить свои вентиляторы.

— Как хорошо, что у нас нет этой адской машины, — заговорила его жена. — Электричество и так не дешёвое!

Муж с женой обменялись взглядами, молча кивнули друг другу в знак согласия и продолжили есть.

Бри не стала поднимать голову. Она молча ела свой ужин и надеялась, что ночью будет не так душно. Лежать в кровати мокрой и задыхаться от нехватки воздуха Бри не хотела.

Разговаривать с ней никто не хотел. Все делали вид, словно в доме ничего не поменялось, и Бри была этому рада. В таком состоянии что-то обсуждать ей не хотелось.

Поднявшись к себе после ужина, она бросила взгляд на часы. Температура была уже такой, что, не будь высокой влажности, воздух казался бы прохладным, а ночной ветер — холодным, но в комнате всё так же было сложно дышать. Испарившаяся влага взвесью висела в воздухе.

Неприятно закружилась голова, и Бри легла на кровать, надеясь, что это ей поможет.

Читать больше не хотелось. Она устремила взгляд на окно и наблюдала за тем, как плавно начинает смеркаться. Солнце медленно скользило по горизонту, яркий оранжево-красный свет озарил комнату Бри. Яркий жёлтый диск словно плавился — воздух дрожал и переливался среди мелких капель воды. А затем солнце покраснело, уходя в тень от земли, и в комнате стало темно. Оно повисело так совсем немного. По представлению Бри, дальняя часть неба из озарённого зелёного активно стала переходить в ночной фиолетово-чёрный. На востоке стало

видно звёзды. И вдруг, словно сорвавшись в обрыв, солнце исчезло. Быстро подступила темнота. На горизонте небо быстро посинело, плавно натек глубокий фиолетовый, и ночной покой опустился на город.

В доме была тишина, и Бри не заметила, как уснула лицом к окну, ногами на подушке.

Спустя три часа её разбудила жажда.

Неприятное чувство разлилось по голове — цена за неудобную позу во сне. И, поднимаясь с кровати, она невольно потеряла равновесие. Удержаться ей помогла ручка шкафа, за которую та ухватилась.

Сил не было. Жажда сжимала горло, иссушила рот. Губы потрескались. И, придерживаясь стены, Бри вышла из комнаты.

Медленно, крепко сжимая в руке перила, Бри направилась вниз по лестнице. Едва уловимо заскрипели ступени, не нарушив покой дома. На первом этаже было темно и тихо, и Бри спокойно прошла в кухню.

— Британи? — послышался уставший голос миссис Россер, и девушка замерла, прижавшись спиной к кухонной стене.

— Я, — ответила она.

— Почему не спишь? — раздалось из темноты.

— Пить хочу, — ответила Бри, надеясь, что разговор с мамой будет коротким.

— Пей, — ответила женщина, и Бри подошла ближе к столу кухни, где едва улавливался блик стеклянного графина.

Налив в стакан воды, используя тот же метод, что и все ночи до этого, Бри быстро её выпила. И так ещё два раза подряд.

Желудок потяжелел.

Не желая ничего говорить матери, Бри решила оставить её. Хотелось к себе.

Отставив графин, она развернулась и направилась из кухни.

— Вот уж не думала, что ты будешь такой непослушной дочерью. Кажешься такой славной девочкой! Но как я заблуждалась...

Бри пропустила эти слова мимо ушей. Она вышла из кухни и направилась вверх по лестнице к себе в комнату.

Хотелось лечь, поэтому она быстро расстелила постель, переоделась в пижаму и легла под одеяло. Несмотря на духоту, Бри понимала, что не уснёт без него.

Утром Бри встретило яркое, ослепляющее солнце, способное расплавить асфальт. Духоты не было. Часы показывали, что за ночь излишки влажности куда-то пропали — 32 %.

С улицы разносился счастливый детский смех — соседи играли у бассейна.

На первом этаже было шумно. Завтрак был давно позади — Бри проснулась ближе к обеду, поэтому работница суежилась на кухне.

«Так, какой сегодня день недели?!» — Бри переживала, что ей ни в коем случае нельзя терять ход дней: в понедельник на работу.

Казалось, словно Энцо звонил вечность назад, но часы убеждали, что это было вчера. На календаре была пятница, 30 мая.

«Что ж, тогда мне аж три дня до работы!» — ей казалось это чем-то настолько продолжительным, что она не волновалась насчёт работы. До понедельника ещё очень много времени.

Поднявшись с постели, она облизнула губы: с них облазила треснувшая до этого кожа, и она невольно начала её обгрызать. Невольно она вспомнила факультатив, который устраивала пришедшая специально врач-онколог.

«Не грызите губы: это грозит злокачественным новообразованием!» — предупредила она, хотя лекция была посвящена вреду курения.

Но, совершенно не воспринимая слова врача, Бри укусила губы так сильно, что выступила кровь.

«Ну и ладно!» — подумала она, зализывая ранку и застилая постель. — «Ничего не случится!»

Переодевшись, Бри направилась в ванную умыться, после чего хотела спуститься вниз — присоединиться к обеду.

От голода урчал живот, неприятное ощущение растекалось по левому боку.

Едва тёплая вода казалась удивительно приятной к коже. Бри активно умывалась: намочила лицо, шею, кончики волос. Это помогало чувствовать себя лучше.

«Спасительная вода! Могла бы ты ещё смыть все мои тревоги!» — думала она, наблюдая, как вода стекает в слив.

После этого она вытерлась махровым полотенцем и вышла в коридор.

На первом этаже было прохладно. Помещения остыли за ночь и ещё не успели нагреться, несмотря на палящее солнце, и Бри поспешила вниз.

— Мисс Бри, скоро будет обед, — из кухни послышался голос работницы.

— Отлично, — ответила ей девушка и направилась в гостиную.

Увидеть родителей она была не против. Понимала, что мама ничего сейчас дурного не скажет: всё, что она думала, она озвучила ночью, а отец, как и обычно, займёт наблюдательную позицию. Ко всему, что удивительно, Бри проснулась в хорошем настроении.

— Доброе утро! — громко произнесла она, заходя в гостиную, и с ухмылкой заметила, как оба её родителя вздрогнули от неожиданности.

— Доброе, — ответил ей отец, вновь наклоняясь над книгой.

— Можно и потише, — ответила миссис Россер. — Вроде только проснулась, а уже столько энергии...

— Сегодня хороший день, — ответила ей дочь и присмотрелась к книге, которую через лупу и под лампой разглядывал отец.

Было непонятно, что он делает — изучает материал страниц или проверяет качество печати, но выглядел он очень сосредоточенным.

— Ты пришла мешать? — спросил он, не поднимая взгляда.

— Нет, — Бри качнула головой и поняла, что к её интересу отец не готов.

Обойдя его стол, она прошла к креслу и села в него. В этот момент она поняла, что спустилась только по причине того, что здесь прохладнее, чем на втором этаже.

— Папа, — ей почему-то хотелось поприставать, — а почему ты работаешь здесь, а не в своём кабинете?

— А тебе так важно это знать? — мужчина продолжал свою работу.

— Просто интересно, — ответила ему дочь, но голос тут же подала миссис Россер:

— Лучше бы тебе было интересно, как удачно выйти замуж и не разочаровывать родителей!

Бри замолчала. Настроение было испорчено, и она поднялась из кресла и вышла из гостиной.

«Не хотят со мной разговаривать — и ладно! Да и пошли они оба!» — ругалась в голове Бри.

Быстро она прошла сквозь кухню в столовую, а оттуда во двор. Закрыла за собой стеклянную дверь и села в пластиковое кресло.

«Какие они всё-таки сложные!» — подумала Бри, глядя на голубое небо. — «Может, как подзаработаю, снять жильё поближе к работе?..»

Эта мысль была так привлекательна, что Бри невольно улыбнулась, а в сердце затрепетало, словно она подумала о самой заветной мечте.

«Точно! Было бы здорово!» — уже в совершенно другом настроении думала она.

Бри оставалась во дворе до последнего, пока её не позвали на обед.

Когда она устала сидеть, она поднялась на ноги и прошлась кругом по заднему двору. Подставила лицо солнцу и попыталась насытиться им, словно это способно помочь ей почувствовать себя счастливее.

Обходя двор, она пожалела, что у них нет бассейна. Сейчас бы она тоже весело плескалась в нём, если бы родители одобрили такое поведение у молодой женщины. И в принципе, как хорошо сейчас было бы развеяться, допустить лёгкость поведения и мыслей, но такой возможности у неё не было.

Бри вернулась в дом с такой же тяжестью на душе, с какой и ушла.

— Не подставляй так лицо под солнце! Тебя осыплет веснушками, и будешь выглядеть как бестолковая деревенщина! — возмутилась миссис Россер, как только Бри села за стол.

— Я учту, мама, — ответила Бри, и женщина, посмотрев на мужа, стала что-то очень активно рассказывать.

Она щебетала, словно птичка, о чём-то далёком — Бри её не слушала. Но мистер Россер понимающе кивал супруге, явно разделяя убеждения жены.

Бри же надеялась, что никто не будет ей мешать спокойно есть, а после обеда она, поблагодарив работницу, поспешила к себе.

Она была убеждена, что три дня — это очень много, но, вернувшись к себе, невольно убедилась в обратном. Ей казалось, что после пробуждения прошло не более часа, но на самом деле прошло аж три часа.

«Если час за три, значит, и день за три!» — с тревогой подумала Бри, но постаралась отвлечься от этих мыслей.

Она залезла на стол у открытого окна, выглянула в него и пожалела, что все её бывшие одноклассники больше здесь не живут. Все разъехались по стране или перебрались в центр города.

Будь хоть кто-нибудь здесь, она бы с большим удовольствием пошла бы к нему в гости. Как в детстве, они бы сели во что-нибудь играть или уехали бы кататься на велосипедах. Но Бри осталась единственной, кто продолжал жить с родителями.

«Ну ничего, скоро и я перестану!» — подумала Бри, продолжая греть себя изнутри мыслями о переезде.

Достав недочитанный детектив, Бри вытянула ноги. Молочно-белую кожу осветил яркий солнечный свет, а девушка погрузилась в чтение.

Оставалось немного, она была близка к развязке, поэтому считала важным делом дойти до последней страницы.

В своей комнате, в одиночестве, сидя на столе, Бри получала истинное удовольствие. Чтение было приятным занятием, а детский смех и шум взрывающейся воды в бассейне создавали впечатление, словно Бри не в своей маленькой комнате, а где-то в отеле. Лежит на шезлонге с книгой, позволяя ногам немного загореть, пока чужие дети плескаются в бассейне.

Главное, чтобы не раздался свисток спасателя, требующего сейчас же слезть со стола и убрать ноги из-под солнца.

Она просидела так следующие часа три.

Солнце приятно грело кожу. Та немного покраснела и была тёплой на ощупь. Бри понимала, что это может привести к ожогу, но ноги не убирала.

Читая книгу, она иногда останавливалась, чтобы глянуть на соседей.

Дети лет пяти поднимали брызги, смеялись, бегали по мокрому кафелю, несмотря на родительский запрет.

Взрослые разместились на шезлонгах под зонтами. У их ног стоял походный холодильник, из которого они периодически доставали стеклянные бутылки пива.

Одна из женщин лежала с глянцевым журналом, листала его и вдыхала запах со страниц. И с расстояния было понятно, что это журнал мод.

В доме Россер никогда не было подобного рода «литературы». Первый раз журнал такого содержания Бри взяла на лекции, когда они изучали подобный формат информационного материала, а последний раз — на семинаре, защищая эту тему.

«Интересно, в нём представлен только один бренд или же несколько?» — думала Бри.

Названия с такого расстояния было не видно, поэтому и содержание оставалось только угадывать.

В этот момент она решила вернуться к детективу. В нём уже всё шло к развязке. Простой и безынтересной: виновным оказался шиноремонтник, оскорблённый тем, что его жена жила тайной жизнью с обеспеченным мужчиной. Как избито: муж убивает жену и её любовника из ревности. Удивительно, что он не обнаружил их в постели — это было бы по всем законам данного жанра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.